

В. А. Томсинов

**Андрей Януарьевич Вышинский
(1883 - 1954):**

**государственный деятель
и правовед**

Часть 5

**Процесс антисоветского
троцкистского центра
23-30 января 1937 года**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство»

**2018. № 12. С. 79-87. 2019. № 1. С. 86-94. № 2. С. 86-94.
№ 3. С. 86-94.**

1

Сталин хотел, чтобы приговор, вынесенный бывшим большевистским вождям в результате судебного разбирательства, проходившего в Москве с 19 по 24 августа 1936 года, воспринимался в прессе и в СССР и на Западе не как расправа над его личными врагами, но как наказание политикам, предавшим свой народ, выступившим против индустриализации своей страны, превращения ее в социалистическое государство, в мощную промышленную и культурную державу.

Троцкий, против которого был в первую очередь направлен данный процесс, также старался избежать трактовки его как проявления личного конфликта внутри большевистской партии. Выступая 11 декабря 1936 года на судебном заседании по делу о нападении на квартиру, где он проживал, группы норвежских фашистов, стремившихся завладеть его архивом¹, Лев Давидович говорил: «В печати можно на каждом шагу встретить попытки свести всю проблему к личной вражде между Сталиным и Троцким: "борьба за власть", "соперничество" и проч. Такое объяснение надо отвергнуть как поверхностное, неумное и прямо абсурдное. Многие десятки тысяч так называемых "троцкистов" подвергались в СССР

---

¹ Сам Троцкий рассказывал об этом случае следующее: «5 августа 1936 года я отправил первые экземпляры законченной рукописи американскому и французскому переводчикам. В тот же день мы отправились вместе с четой Кнудсен в южную Норвегию, чтобы провести две недели у моря. Но уже на следующее утро, в пути, мы узнали, что в предшествующую ночь на нашу квартиру совершено было норвежскими фашистами нападение с целью овладеть моими архивами. Задача сама по себе не представляла никаких трудностей: дом никем не охранялся, и даже шкафы не запирались. Норвежцы до такой степени привыкли к спокойному ритму своей демократии, что даже от друзей нельзя было добиться соблюдения элементарных правил осторожности. Фашисты нагрянули в полночь, показали фальшивые полицейские значки и попытались немедленно приступить к "обыску". Оставшаяся дома дочь наших хозяев заподозрила неладное, не потерялась, стала с распростертыми руками перед дверью моей комнаты и заявила, что никого не пропустит. Пять фашистов, еще неопытных в своем ремесле, опешили перед мужеством молодой девушки. Тем временем младший брат ее поднял тревогу. Показались в ночных одеяниях соседи. Потерявшие голову герои бросились наутек, захватив с ближайшего стола несколько случайных документов. Полиция без труда установила на следующий день личность нападавших».

в течение последних тринадцати лет жестоким преследованиям, отрывались от семей, от друзей, от работы, лишались огня и воды, нередко и жизни, — неужели все это ради личной борьбы между Троцким и Сталиным? Книга “Преданная революция”, которая так расстроила атторнея защиты, была написана до московского процесса; она дает, как признает пресса, истинное политическое и историческое объяснение этого процесса»²

Названная книга была издана осенью 1936 года на французском языке³, а в начале 1937 года — на английском⁴. На русском языке она вышла в 1936 году в Париже в издательстве «IV Internationale-Rouge» под названием «Что такое СССР и куда он идет?»⁵. Троцкий считал ее создание «главным делом своей жизни». Во введении к основному тексту книги он довольно витиевато объяснил для чего написал ее: «Задача настоящего исследования — правильно оценить то, что есть, чтоб лучше понять то, что становится»⁶. Оценивал Троцкий прежде всего политическую деятельность Сталина, но также в целом политику руководства ВКП (б) и Советского государства. Оценивал он и сложившийся в СССР к середине 30-х годов государственный строй, его экономическую и социальную основу. Суждения бывшего большевистского вождя, соратника Ленина были весьма категоричными, поскольку отражали в большей мере его собственные взгляды и пристрастия, нежели объективную реальность. Посвятив свою книгу тому, что происходило в СССР в годы, последовавшие за его изгнанием оттуда, Троцкий в сущности написал ее также и о себе самом, о собственном мировоззрении, о своем понимании революции, социализма, общественной жизни и устройства государства. Тем самым он показал, с чем на самом деле боролся Сталин, преследуя

---

² In closed court. December 11, 1936 // Writings of Leon Trotsky [1935–1936]. New York, 1977. P. 472.

³ *Trotsky L. La Révolution Trahie / Traduit de Russe par Victor Serge. Paris, 1936.* Предисловие Л.Д. Троцкого к этому изданию книги, названное «Objet de ce travail», датировано сентябрем 1936 г. (Ibid. P. 13).

⁴ *Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? / Translated by Max Eastman. New York, 1937. London, 1937.*

⁵ *Троцкий Л. Что такое СССР и куда он идет? Paris, 1936.*

⁶ *Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? New York, 1983. P. 3.*

троцкистов. И почему Иосиф Виссарионович был в этом предельно последовательным, упорным и даже жестоким.

Книга «Преданная революция» действительно давала «истинное политическое и историческое объяснение» прошедшего в августе 1936 года судебного процесса над бывшими большевистскими вождями, хотя и не совсем такое, которое старался внушить ее читателям автор. Вместе с тем она проливали свет на темные стороны и тех судебных процессов над бывшими большевистскими партийными и государственными руководителями, которые последовали в 1937 и 1938 годах. Имя А.Я. Вышинского ни разу не появилось на страницах этой книги, но все, что Троцкий в ней высказал, имело к деятельности прокурора СССР прямое отношение. Подлинная роль Вышинского в указанных судебных процессах становится понятнее в свете ее содержания.

Название книги «Преданная революция» выражало главное обвинение, которое Троцкий предъявлял Сталину и его сторонникам в руководстве ВКП (б) и Советского государства. Лев Давидович доказывал, что сталинская группировка предала идеалы Октябрьской революции 1917 года, из которых главной была идея рабочего государства, лишённого бюрократии и специального аппарата принуждения, опирающегося не на профессиональную армию, а на вооруженный народ. «Как бы, в самом деле, ни истолковывать природу нынешнего советского государства, — утверждал Троцкий, — неоспоримо одно: к концу второго десятилетия своего существования оно не только не отмерло, но и не начало “отмирать”; хуже того: оно разрослось в еще небывалый в истории аппарат принуждения; бюрократия не только не исчезла, уступив свое место массам, но превратилась в бесконтрольную силу, властвующую над массами; армия не только не заменена вооруженным народом, но выделила из себя привилегированную офицерскую касту, увенчивающуюся маршалами, тогда как народу, “вооруженному носителю диктатуры”, запрещено ныне в СССР ношение даже и холодного оружия. При наивысшем напряжении фантазии трудно представить себе контраст, более разительный, чем тот, какой существует между схемой рабочего государства по Марксу-Энгельсу-Ленину и тем реальным государством, какое ныне

возглавляется Сталиным. Продолжая перепечатывать сочинения Ленина (правда, с цензурными изъятиями и искажениями), нынешние вожди Советского Союза и их идеологические представители даже не ставят перед собою вопроса о причинах столь вопиющего расхождения между программой и действительностью»⁷.

Троцкий не принимал во внимание или как будто не понимал, что все эти идеи — и пролетарского государства, и государства без бюрократии, без аппарата принуждения и профессиональной армии, и связанные с ними мнения о неизбежном отмирании государства и права — изначально составляли утопическую часть учения Маркса-Энгельса-Ленина. В истинном своем значении они представляли собой всего лишь идеологию разрушения традиционной государственности и правовой культуры. Успешно применив данную идеологию для уничтожения государственного аппарата, доставшегося им от прежних правителей России, большевики спустя некоторое время после захвата власти сами стали отказываться от нее и довольно быстро возродили имперское государство, пусть и в новом облике — в виде Союза Советских Социалистических Республик.

Отход от идеалов Октябрьской революции в устройстве Советского государства Троцкий усматривал также в отказе руководства ВКП (б) от равенства в распределении материального продукта и в установлении и в установлении принципа распределения материальных благ, согласно которому каждый работает по способностям и получает оплату по труду. Оценивая этот принцип, Троцкий утверждал, что объявлять его основным принципом социализма значит «идеи новой, более высокой культуры цинично втаптывать в привычную грязь капитализма»⁸. При этом он признавал, что «успешное социалистическое строительство немислимо без включения в плановую систему непосредственной личной заинтересованности производителя и потребителя, их эгоизма, который, в свою очередь, может плодотворно проявиться лишь в том случае, если на службе его стоит привычное надежное и гибкое орудие: деньги»⁹.

---

⁷ Ibid. P. 51–52.

⁸ Ibid. P. 82.

⁹ Ibid. P. 67.

Явным предательством революционных идеалов Троцкий считал и превращение бюрократии в привилегированный правящий слой. Однако вследствие недостатка сведений о советском обществе первой половины 30-х годов Лев Давидович не смог определить, насколько далеко зашел этот процесс. Поэтому свое суждение о классовой природе советской бюрократии он высказал весьма осторожно: «В советской политической литературе можно нередко встретить обличения “бюрократизма”, как некоторых дурных привычек мысли или приемов работы (обличения всегда направлены сверху вниз и являются приемом самозащиты верхов). Но чего нельзя встретить совершенно, это исследований о бюрократии, как правящем слое, об ее численности и структуре, об ее плоти и крови, об ее привилегиях и аппетитах, о поглощаемой ею доле народного дохода. Между тем она существует. И тот факт, что она так тщательно прячет свою социальную физиономию, свидетельствует, что у нее есть специфическое сознание господствующего “класса”, который, однако, далек еще от уверенности в своем праве на господство»¹⁰.

Сделав вывод о формировании в среде правящего слоя СССР «сознания господствующего класса», Троцкий, несмотря на это, не признал советскую бюрократию сложившимся классом, указав на отсутствие у нее законного права собственности на средства производства. «Она вербуетя, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности, — отметил он. — Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы, она вообще не существует. Присвоение ею огромной доли народного дохода имеет характер социального паразитизма. Все это делает положение командующего советского слоя в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести»¹¹.

---

¹⁰ Ibid. P. 135.

¹¹ Ibid. P. 249–250.

Новую конституцию СССР, обсуждение и доработка которой шла с июня 1936 года, Троцкий оценивал всецело негативно, усматривая в выраженном в ней стремлении уравнивать в политическом и юридическом отношениях все классы советского общества и придать Советскому государству общенародный характер сознательный отход от идеалов Октябрьской революции 1917 года. «Представляя собою огромный шаг назад, от социалистических принципов к буржуазным, — заявлял он, — новая конституция, скроенная и сшитая по мерке правящего слоя, идет по той же исторической линии, что отказ от мировой революции в пользу Лиги Наций, реставрация мелкобуржуазной семьи, замена милиции казарменной армией, восстановление чинов и орденов и рост неравенства. Юридически закрепляя абсолютизм “внеклассовой” бюрократии, новая конституция создает политические предпосылки для возрождения нового имущего класса»¹².

Шагом к реставрации буржуазного строя Троцкий представлял и попытки Сталина ввести в СССР с помощью новой конституции систему альтернативных выборов на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. «В области политической отличием новой конституции от старой, — писал он, — является возвращение от советской системы выборов, по классовым и производственным группировкам, к системе буржуазной демократии, базирующейся на так называемом “всеобщем, равном и прямом” голосовании атомизированного населения. Дело идет, короче говоря, о юридической ликвидации диктатуры пролетариата. Где нет капиталистов, там нет и пролетариата, разъясняют творцы новой конституции, а следовательно и самое государство из пролетарского становится народным»¹³.

Подобные суждения, если бы их высказывал какой-либо ученый-обществовед, не имели бы никаких политических последствий. Да и вряд ли вообще вызвали бы к себе сколько-нибудь серьезный интерес. О бюрократическом перерождении пролетарского государства в Советской России много и предельно резко говорил и писал еще

---

¹² Ibid. P. 273.

¹³ Ibid. P. 260–261.

вождь большевиков В.И. Ленин и его соратники. Неоднократно и жестко высказывался о советской бюрократии также И.В. Сталин. Он откровенно признавал, что государственное управление в СССР организовано и действует намного хуже, чем в развитых странах Западного мира.

В 1931 году в Берлине на немецком языке вышло три части сборника «Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве», в котором советская бюрократия представлялась русскими учеными-эмигрантами во всей полноте своей мерзости. Профессор И.А. Ильин опубликовал в этом сборнике статью с весьма примечательным названием «Коммунизм как господство чиновников», в которой характеризовал советскую бюрократическую систему государственного управления намного более жестко и уничижительно, чем Троцкий. Иван Александрович утверждал, что «основная идея этой системы состоит в том, чтобы заменить *природу* в социальной жизни человека *усмотрением и произволом*; исключить *спонтанную личную инициативу* человека и заполнить образовавшуюся брешь *государственными предписаниями*; поставить на место *иррационально-целесообразного инстинкта принуждения и террору* подавить принцип *конкурирующего множества* и сделать решающим принцип *централистского единства*; *механизировать органичное* в сущности общества и вытеснить культурный слой классовых врагов свежими и верно настроенными силами коммунистического пролетариата... Коммунисты реализовали ее и, соответственно, создали нечто странное — небывалую систему *революционной и коммунистической бюрократии*, такого чиновничества, которое набирают из *самого необразованного и самого политически неопытного* социального слоя. Эта бюрократия старается выступать и действовать в Советской России не только как *primus movens* (*первая движущая сила*), но и как *solum movens* (*единственно движущая сила*): те социальные слои, которые еще не поработаны и не проглочены, систематически гонят по направлению к *разложению и новому устройству*, она стремится добиться в социальной жизни не

унификации, а систематической неповторимости и исключительности. Следуя своей идее, она хочет стать “всем во всем”»¹⁴.

Ничего нового о Советском государстве в целом и его бюрократии в частности Троцкий в своем произведении «Преданная революция» не написал, но лишь повторил то, что было множество раз написано до него. В сравнении с характеристиками, которые давались советской бюрократии другими учеными и политиками, его оценка этого самого заметного явления советской жизни выглядела намного более упрощенной и блеклой. Повышенное политическое значение данной книге придавало не само по себе ее содержание, а фигура ее автора. Троцкий был вождем самой многочисленной, наиболее сплоченной и радикальной по устремлениям оппозиционной группировки, противостоявшей Сталину и его сторонникам.

Книга «Преданная революция» несла в своем содержании массу негативных оценок и предсказаний относительно устройства и судьбы Советского государства. При этом троцкистам в СССР и за его пределами она давала новый вариант большевистской революционной идеологии.

Высказанные в ней пророчества были предназначены парализовать волю советской бюрократии страхом неминуемой расплаты за предательство революционных идеалов. «Как сознательная политическая сила, бюрократия изменила революции, — вещал Троцкий. — Но победоносная революция есть, к счастью, не только программа и знамя, не только политические учреждения, но и система социальных отношений. Мало изменить ей, — ее надо еще и опрокинуть. Октябрьская революция предана правящим слоем, но она еще не опрокинута. Она располагает большой силой сопротивления, которая совпадает с установленными отношениями собственности, с живой силой пролетариата, с сознанием его лучших элементов, с безвыходностью мирового капитализма, с неизбежностью мировой революции»¹⁵.

---

¹⁴ Ильин И.А. Коммунизм как господство чиновников // Мир над пропастью. Политика, хозяйство и культура в коммунистическом государстве. Ч. I и II. М., 2001. С. 139.

¹⁵ Trotsky L. The Revolution Betrayed. What is the Soviet Union and Where is it Going? New York, 1983. P. 251–252.

Данная книга была призвана внушать безверие в возможность победы социализма в одной стране, даже если эта страна необыкновенно огромна своими размерами и сказочно богата природными ресурсами. «Изнутри советского режима, — пророчествовал Троцкий, — вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он, в противоположность загнивающему капитализму, развивает производительные силы, он подготавливает экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до все более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он подготавливает капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью»¹⁶.

Троцкисты получили в виде книги «Преданная революция» настоящую политическую программу для своего движения. Троцкий не просто позвал своих сторонников к новой революции — он придал своему призыву предельно убедительное содержание и постарался облечь его в возвышенную форму. Его рассказ о том, к чему должны стремиться новые революционеры, поднимаясь на борьбу с советской бюрократией, выглядел как описание будущего, которое наступит неизбежно и довольно скоро: «Пролетариату отсталой страны суждено было совершить первую социалистическую революцию. Эту историческую привилегию он, по всем данным, должен будет оплатить второй, дополнительной революцией — против бюрократического абсолютизма. Программа новой революции зависит во многом от момента, когда она разразится, от уровня, какого достигнет к тому времени страна, и, в огромной степени, от международной обстановки. Основные элементы программы, ясные уже сейчас, даны на протяжении этой книги, как объективный выход из анализа противоречий советского режима. Дело идет не о том, чтобы заменить одну правящую клику другой, а о том, чтобы изменить самые методы управления хозяйством и руководства культурой. Бюрократическое

---

¹⁶ Ibid. P. 244.

самовластью должно уступить место советской демократии. Восстановление права критики и действительной свободы выборов есть необходимое условие дальнейшего развития страны. Это предполагает восстановление свободы советских партий, начиная с партии большевиков, и возрождение профессиональных союзов. Перенесенная на хозяйство демократия означает радикальный пересмотр планов в интересах трудящихся. Свободное обсуждение хозяйственных проблем снизит накладные расходы бюрократических ошибок и зигзагов. Дорогие игрушки – Дворцы советов, новые театры, показательные метрополитены – потеснятся в пользу рабочих жилищ. “Буржуазные нормы распределения” будут введены в пределы строгой необходимости, чтоб, по мере роста общественного богатства, уступить место социалистическому равенству»¹⁷.

Троцкий не объяснил, как «советская демократия» сможет заменить государственный аппарат и обеспечить профессиональное управление экономикой. Он ничего не сказал о том, каким образом коммунистическая партия, превращенная в дискуссионный клуб, сможет объединить наиболее активных членов общества и направить их к достижению общих целей, к решению общих проблем, стоящих перед страной. Несмотря на это представленная им в книге «Преданная революция» политическая программа имела все возможности для того, чтобы привлечь на его сторону людей, способных пожертвовать своим благополучием ради возвышенных идеалов, то есть тех, из кого, как показывает мировой революционный опыт, всегда получают самые стойкие и последовательные политические борцы и революционеры. И эта программа вполне могла стать для них руководством к действию.

Ее пороки скрывались в деталях, а потому были незаметны. Свой рассказ о программе новой революции Троцкий завершил следующими пророчествами: «Чины будут немедленно отменены, побрякушки орденов поступят в тигель. Молодежь получит возможность свободно дышать, критиковать, ошибаться и мужать. Наука и искусство освободятся от оков. Наконец, внешняя политика вернется к

---

¹⁷ Ibid. P. 289.

традициям революционного интернационализма»¹⁸. Последняя из приведенных фраз и таила в себе подлинный смысл того государственного переворота, к которому призывал Троцкий. Лев Давидович так и не отказался от идеи использования России в качестве тарана для разрушения сложившегося мирового порядка и возбуждения мировой революции. Возврат внешней политики Советского государства «к традициям революционного интернационализма» означал в его понимании всемерную материальную, военную и идеологическую поддержку революционного движения в других странах. Иначе говоря, **новая революция в России была необходима Троцкому не для того, чтобы создать на ее просторах новое, более справедливое, более социалистическое и могучее советское государство, но исключительно затем, чтобы принести русский народ в жертву самому страшному в человеческом обществе безумию, под названием мировая революция и мировая война.** «Если буржуазия не может мирно вращаться в социалистическую демократию, — заявлял он, — то и социалистическое государство не может мирно вращаться в мировую капиталистическую систему, — рассуждал кровавый пророк. — В порядке исторического дня стоит **не мирное социалистическое развитие “отдельной страны”, а долгая серия мировых потрясений: войн и революций.** Потрясения неизбежны и во внутренней жизни СССР. Если бюрократии пришлось в борьбе за плановое хозяйство раскулачивать кулака, то рабочему классу придется в борьбе за социализм разбюрократить бюрократию. На могиле ее он начертает эпитафию: «здесь покоится теория социализма в отдельной стране»¹⁹ (выделено мною. — В.Т.).

Книга «Преданная революция» писалась Троцким в чрезвычайно нервном состоянии — во время работы над ее текстом ему стало известно, что в Советском Союзе началась подготовка целой серии публичных судебных процессов над троцкистами и троцкизмом. Поэтому-то Лев Давидович о многом в данной книге проговорился, многое выдал, вольно или невольно, из того, что таил в глубине своей души.

---

¹⁸ Ibid. P. 289–290.

¹⁹ Ibid. P. 301.

Ни в каком другом своем произведении он не дал более стройного и откровенного изложения идеологии разрушения советского общества и государства, нежели в книге «Преданная революция». Политические деятели, проникнутые выраженным в ней мировоззрением, представляли собой опаснейшую угрозу не только лично для Сталина и его соратников, но и всей для нашей страны в целом. Вооруженные новым вариантом большевистской революционной идеологии они становились сплоченной и в то же время бескомпромиссно враждебной к политике руководства ВКП (б) и Советского государства группой политических деятелей.

Сталин в полной мере это сознавал. С текстом указанной программной книги Л.Д. Троцкого Иосиф Виссарионович ознакомился еще до ее выхода в свет. Отправив 5 августа 1936 года экземпляры рукописи «Преданной революции» издателям в Париж и в Нью-Йорк, Лев Давидович послал еще один ее экземпляр Льву Седову с просьбой опубликовать наиболее значимые ее фрагменты в «Бюллетене оппозиции». Оказавшись у сына Троцкого, рукопись, естественно, попала и к находившемуся при нем агенту НКВД Марку Збровскому, который и переправил ее в Москву. Работавший с ним начальник иностранного (7-го) отдела Главного управления государственной безопасности НКВД А.А. Слуцкий немедленно доложил полученные сведения Сталину: «Седов ведет переговоры с разными издательствами об издании книги. Ее предполагается издать на нескольких языках. На французский язык ее переводит Виктор Серж (издательство “Грасси”). Немецкий перевод делает жена немецкого троцкиста Пфюмферта. В Чехословакии изданием будет заниматься В.Бурян. Получено также предложение польского издательства “Видовництво Польске” в Варшаве»²⁰.

В свете этого донесения Сталину понятной становится стремительная замена на посту наркома внутренних дел Г.Г. Ягоды на Н.И. Ежова. 25 сентября 1936 года Сталин и Жданов сообщили из Сочи шифрованной телеграммой в Москву Кагановичу, Молотову и другим членам Политбюро ЦК ВКП о том, что считают **«абсолютно необходимым и срочным делом»** назначение тов. Ежова на пост

---

²⁰ Цит. по: *Волкогонов Д.А. Троцкий. Кн. 2. М., 1998. С. 184–185.*

наркомвнудела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения **троцкистско-зиновьевского блока**»²¹ (выделено мною. – В.Т.). На следующий день Политбюро рекомендовало Ежова к назначению наркомом внутренних дел.

Любопытно, что именно Н.И. Ежов занимался вместе с прокурором СССР А.Я. Вышинским подготовкой процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра.

Знакомство Сталина с содержанием книги Троцкого «Преданная революция» объясняет и появление 29 сентября 1936 года очень странного по стилю и смыслу постановления Политбюро ЦК ВКП (б), гласившего:

«Утвердить следующую директиву об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам:

а) До последнего времени ЦК ВКП(б) рассматривал троцкистско-зиновьевских мерзавцев как передовой политической и организационный отряд международной буржуазии. Последние факты говорят, что эти господа скатились еще больше вниз, и их приходится теперь рассматривать как разведчиков, шпионов, диверсантов и вредителей фашистской буржуазии в Европе.

б) В связи с этим **необходима расправа с троцкистско-зиновьевскими мерзавцами**, охватывающая не только арестованных, следствие по делу которых уже закончено, и не только подследственных вроде Муралова, Пятакова, Белобородова и других, дела которых еще не завершены, но и тех, которые были раньше высланы». Внизу этого документа было помечено: «Опросом. Подписано: Каганович, Молотов, Андреев, Ежов, Рудзутак»²² (выделено мною. – В.Т.).

Ю.Н. Жуков, специально изучавший архивный экземпляр этого документа, обратил внимание на его крайнюю необычность. По сведениям историка, указанное постановление Политбюро было составлено на основе записки, поступившая из сочинского санатория

²¹ Сталин, Жданов – Кагановичу, Молотову. 25 сентября 1936 года // Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001. С. 682–683.

²² Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». 29 сентября 1936 г. // РГАСПИ. Фонд 17. Оп. 3. Д. 981. Л. 58. Текст данного документа, опубликованный в издании «Реабилитация. Политические процессы 30 – 50-х годов» (М., 1991. С. 221), ошибочно представлен как подписанный Сталиным.

«Зеленая роща», где пребывал в то время Сталин. «Данное решение П[олит]бюро], — отметил Юрий Николаевич, — стилистически более напоминает не обычный партийный документ, а стенографическую запись речи кого-то (Сталина?), некое своеобразное напутствие Ежову, указание на то, с чего же ему незамедлительно следует начинать работу. Действительно, если не принимать во внимание специфические слова вроде “мерзавцы”, “отряд мировой буржуазии, разведчики, шпионы, диверсанты и вредители”, то есть чисто эмоциональные оценки сторонников Троцкого и Зиновьева, то остается существенное — программа. Она же сводится к предельно четкой установке: необходимо немедленно расправиться (хотя юридический смысл понятия и очень расплывчат, но все же за ним угадывается лишь одно — вынесение смертного приговора) со всеми без исключения выявленными, известными троцкистами и зиновьевцами, то есть левыми. И с теми, кто уже получил приговор — заключение на какое-то количество лет, и с теми, кому суд лишь предстоит, и даже с теми, кто давным-давно, скорее всего с 1927 года, находится в ссылке. Со всеми!»²³.

8 октября 1936 года на первой странице газеты «Правда» была опубликована статья В.М. Молотова «Докатились». В ней были даны новые значительно более жесткие оценки троцкистам, явно отражавшие реакцию Сталина на книгу Троцкого «Преданная революция». «Как настоящие отбросы революции, — возмущался Вячеслав Михайлович, — троцкисты скатились к терроризму, вредительству, шпионажу и диверсиям в пользу иностранной буржуазии и ее фашистских сил. Оставаясь в авангарде международной контрреволюции, они превратились в контрреволюционных террористов и вредителей, в презренных шпионов и диверсантов на службе буржуазии. Более подлых и бесчестных врагов, чем троцкисты с их предательской маской двурушников, мы не имели. Одно ясно: троцкисты дошли до последней черты, троцкисты докатились...»²⁴.

Данная публикация означала, что Сталин начал идеологическую подготовку нового судебного процесса над троцкистами. Юридическая

---

²³ Жуков Ю.Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933–1937 гг. М., 2005. С. 273–274.

²⁴ Правда. 1936. № 278 (6884). 8 октября. С. 1.

же его подготовка возлагалась на прокурора СССР А.Я. Вышинского и наркома внутренних дел Н.И. Ежова.

К началу декабря 1936 года основные мероприятия по делу о новой троцкистской организации были проведены. Ни Сталин, ни Вышинский не требовали от следователей соблюдения юридических процедур. Аресты целого ряда обвиняемых были осуществлены без прокурорских санкций. Троцкисты как будто заранее были совсем лишены какой-либо правовой защиты. В их число зачислили всех тех, кто сотрудничал Троцким во время его пребывания в руководстве ВКП (б) и Советского государства или имел с ним какие-то контакты после того, как Лев Давидович оказался за пределами СССР.

4 декабря 1936 года Н.И. Ежов выступил на заседании Пленума ЦК ВКП (б) с докладом о результатах расследования по делу о так называемом «запасном троцкистском центре». Доклад наркома внутренних дел был выслушан с большим интересом, часто прерывался вопросами и репликами членов ЦК. В конце своего выступления Ежов напомнил о постановлении Политбюро от 29 сентября 1936 года. «Об отношении к контрреволюционным троцкистско-зиновьевским элементам». Зачитав его текст, он сказал: «Мне кажется, что эта директива имеет прямое отношение ко всем партийным организациям, ко всем членам партии. Мы имеем людей, которые, как будто точно²⁵ порвали с прошлым, но, во всяком случае, это люди околопартийные. Что касается ЧК²⁶, товарищи, то я могу только уверить, что эта директива ЦК Компартии, написанная и продиктованная т. Сталиным, будет нами выполнена; до конца раскорчем всю эту троцкистско-зиновьевскую грязь и уничтожим их физически»²⁷.

---

²⁵ В оригинале: «тесно», но это явная опечатка.

²⁶ Имеется в виду ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, созданная 7 (20) декабря 1917 г. и существовавшая до 6 февраля 1922 г. Ежов назвал этой аббревиатурой свой наркомат.

²⁷ Ежов Н.И. Доклад на Пленуме ЦК ВКП (б). 4 декабря 1936 г. // Декабрьский Пленум ЦК ВКП (б) 1936 года. Документы и материалы. М., 2017. С. 46.

Обширный конспект этого доклада представлял довольно сумбурную сводку показаний обвиняемых по делу²⁸. Комментарии и выводы, которые Ежов к ним добавил, не оставляли никаких сомнений в исходе нового судебного процесса над троцкистами.

2

20 января 1937 года газета «Правда» опубликовала сообщение из Прокуратуры СССР, в котором объявлялось: «В настоящее время органами НКВД закончено следствие по делу троцкистского “параллельного центра” в составе Пятакова Ю.Л. (Г.Л.), Радека К.Б., Сокольникова Г.Я., Серебрякова Л.П., организованного в 1933 г., по указаниям находящегося в эмиграции Л. Троцкого, наряду с существовавшим троцкистско-зиновьевским центром в составе Зиновьева, Каменева, Смирнова, Мрачковского и др.

Следствием установлено, что “параллельный центр”, по прямым указаниям Л. Троцкого, организовал диверсионные и террористические группы, осуществившие на ряде предприятий, особенно имеющих оборонное значение, вредительские и диверсионные (подрывные) акты и подготовлявшие террористические акты против руководителей ВКП (б) и советского правительства. Эти же группы по прямым указаниям Л. Троцкого и “параллельного центра” осуществляли шпионаж в пользу некоторых иностранных государств.

Следствием установлено, что преступная деятельность “параллельного центра” и других членов троцкистской организации, привлеченных по настоящему делу в качестве обвиняемых, была направлена на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, на свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и господства буржуазии.

По делу к судебной ответственности привлекаются: Пятаков Ю.Л. (Г.Л.) , Радек К.Б., Сокольников Г.Я., Серебряков Л.П., Муралов Н.И., Лившиц Я.А., Дробнис Я.Н., Богуславский М.С., Князев И.А., Ратайчак

---

²⁸ [Ежов Н.И. Конспект доклада «Об антисоветских троцкистских и правых организациях». [Конец ноября – не позднее 4 декабря 1936 г.] // Там же. С. 143–183.

С.А., Норкин Б.О., Шестов А.А., Строилов М.С., Турок И.Д., Граше И.И., Пушкин Г.Е. и Арнольд В.В.

Обвинительное заключение утверждено Прокурором Союза ССР и направлено с делом в Военную Коллегию Верховного Суда СССР для рассмотрения в открытом судебном заседании.

Дело слушанием в Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР назначено на 23 января с.г.»²⁹.

21 января на первой странице газеты «Правда» появилась статья «Троцкистские шпионы, диверсанты, изменники родины», в которой, в частности, утверждалось, что «за каждым обвиняемым, поименованным в сообщении Прокуратуры Союза ССР, тянется цепь чудовищных преступлений, превосходящих в своем цинизме, в своей омерзительности все, что может дать воображение»³⁰. Завершалась статья выводом, звучавшим как приговор: «Их преступления безмерны. Пролетарский суд воздаст им полной мерой за подлую измену родине»³¹.

23 января в 12 часов 5 минут председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В.В. Ульрих объявил первое заседание по процессу антисоветского троцкистского центра открытым. Обратившись к подсудимым, он спросил, хотят ли они заявить отвод кому-либо из состава суда или представителю государственного обвинения. Все обвиняемые сказали, что отводов у них нет. Сообщив далее, что троих подсудимых будут защищать адвокаты, остальные же подсудимые отказались от защитников при вручении обвинительного заключения и выразили защищаться сами, Ульрих просил этих подсудимых, «не изменили ли они свое решение и не желают ли иметь защитников»³². Подсудимые подтвердили свой отказ от защитников. Тогда председатель Военной коллегии Верховного суда СССР пояснил, что «они имеют право задавать вопросы свидетелям, экспертам и подсудимым, а также давать разъяснения по каждому вопросу, который будет затронут на суде, имеют право произносить защитительные

---

²⁹ В Прокуратуре Союза ССР // Правда. 1937. № 20 (6986). 20 января. С. 2.

³⁰ Правда. 1937. № 21 (6987). 21 января. С. 1.

³¹ Там же.

³² Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 9.

речи»³³. Процесс антисоветского троцкистского центра начинался, таким образом, как обыкновенное судебное разбирательство.

После выполнения председателем предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством первоначальных обязательных процедуры секретарь Верховного суда огласил обвинительное заключение, составленное и подписанное прокурором Союза ССР А.Я. Вышинским. Главные пункты представленной в этом документе формулы обвинения были изложены в сообщении из Прокуратуры СССР, опубликованном 20 января в газете «Правда». Однако обвинительное заключение включало и дополнительные пункты о том, что антисоветский троцкистский центр, по поручению Л.Д. Троцкого, «через обвиняемых *Сокольников* и *Радека*, вступил в сношение о представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза», что «троцкистский центр обязался, в случае своего прихода к власти, предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок», что «вместе с тем, этот центр, через своих членов и других участников преступной троцкистской организации, систематически занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки секретными сведениями важнейшего государственного значения»³⁴.

Руководителями антисоветского троцкистского центра были названы в обвинительном заключении Л. Пятаков, Г.Я. Сокольников, К.Б. Радек и Л.П. Серебряков. Они действительно были выше других обвиняемых по своему статусу в большевистской партии и в советском государстве. Но их нельзя было отнести к влиятельным большевистским партийным и государственным деятелям³⁵. Из рядовых подсудимых

---

³³ Там же.

³⁴ Там же. С. 21.

³⁵ *Юрий (Георгий) Леонидович Пятаков* (1890–1937) был членом большевистской партии с 1910 г. В момент своего ареста 12 сентября 1936 г. занимал пост первого заместителя наркома тяжелой промышленности СССР. *Карл Бернгардович Радек* (1885–1939) состоял в РСДРП с 1903 г. До своего ареста 16 сентября 1936 г. являлся заведующим бюро международной информации ЦК ВКП (б). *Григорий (Гирш) Яковлевич Сокольников* (Бриллиант) (1888–1939), член большевистской партии с 1905 г. До своего ареста 26 июля 1936 г. был первым заместителем наркома лесной промышленности СССР. *Леонид Петрович Серебряков* (1888–1937), член

только Л.А. Лившиц занимал весомый государственный пост, являясь заместителем наркома путей сообщения. Остальные были всего лишь руководителями предприятий, главными инженерами, экономистами³⁶.

Между тем И.В. Сталин вмешивался в процедуру подготовки и рассмотрения дела антисоветского троцкистского центра столь же активно, как и в процесс троцкистско-зиновьевского террористического центра, проходивший в августе 1936 года. В записке комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов, составленной в начале 1963 года, отмечалось со ссылкой на материалы архива ЦК КПСС, что по этому делу «составлялось три варианта обвинительного заключения и все они направлялись Сталину. Второй вариант Сталин редактировал лично. При этом он произвольно вычеркнул из числа обвиняемых Членова (главного юрисконсульта Наркомата внешней торговли) и вписал вместо него фамилию Турока (заместителя начальника управления железной дороги)»³⁷.

большевистской партии с 1905 г. До своего ареста 17 августа являлся заместителем начальника Главного управления шоссейных дорог.

³⁶ В составленной в начале 1963 г. записке комиссии Президиума ЦК КПСС в Президиум ЦК КПСС о результатах работы по расследованию причин репрессий и обстоятельств политических процессов 30-х годов об этих подсудимых были приведены следующие сведения: «**Муралов Н.И.**, состоявший в ВКП(б) с 1908 по 1927 год, начальник сельхозотдела управления рабочего снабжения «Кузбасстрой»; **Дробнис Я.Н.**, член ВКП(б) с 1907 года, заместитель начальника Кемеровского «Химкомбинатстроя»; **Богуславский М.С.**, член ВКП(б) с 1917 года, начальник «Сибмашстроя»; **Князев И.А.**, член ВКП(б) с 1918 года, заместитель начальника Центрального управления движения НКПС; **Ратайчак С.А.**, член ВКП(б) с 1919 года, начальник «Главхимпрома» НКТП; **Норкин Б.О.**, член ВКП(б) с 1917 года, начальник Кемеровского «Химкомбинатстроя»; **Шестов А.А.**, член ВКП(б) с 1918 года, управляющий Салаирским цинковым рудником (Кузбасс); **Строилов М.С.**, беспартийный, главный инженер треста «Кузбассуголь»; **Турок И.Д.**, член ВКП(б) с 1918 года, заместитель начальника управления железной дороги; **Граше И.И.**, член ВКП(б) с 1917 года, старший экономист производственно-технического отдела «Главхимпрома» НКТП; **Пушин Г.Е.**, член ВКП(б) с 1924 года, главный инженер строительства Рионского азотнотукового комбината (Грузия) и **Арнольд (Васильев) В.В.**, член ВКП(б) с 1924 года, заведующий гаражом Анжеро-Судженского рудоуправления (Кузбасс)» (Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. Февраль 1956 – начало 80-х годов. М., 2003. С. С. 567).

³⁷ Там же.

Второй вариант обвинительного заключения был согласован Вышинским со Сталиным 9 января 1937 года. Из журнала записи лиц, принятых И.В. Сталиным в этот день, видно, что прокурор СССР А.Я. Вышинский вошел к нему в кабинет в 14 часов 10 минут, а вышел в 15 часов 35 минут, т.е. находился на приеме у Сталина почти полтора часа. В это время в сталинском кабинете были Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе, Ежов, Калинин, Каганович, Литвинов, Крыленко. Вместе с Вышинским из кабинета вышли Орджоникидзе, Литвинов и Крыленко, остальные покинули кабинет через пять минут после этого³⁸.

В следующий раз Вышинский был приглашен на прием к Сталину 23 января, то есть в день открытия процесса антисоветского троцкистского центра. Находился он в сталинском кабинете недолго — с 17 часов 30 минут до 17 часов 40 минут³⁹. 24 января у Сталина был прием с 20 часов 50 минут до 22 часов 35 минут. Он успел принять в своем кабинете лишь четырех человек и среди них Вышинского⁴⁰. Андрей Януарьевич вошел в кабинет в 22.20 и вышел последним — в 22.35⁴¹. Следующий его визит к Сталину состоялся 27 января: в 22.20 прокурор СССР вошел в сталинский кабинет, в 22.35 вышел.

29 января в 16.15, то есть в последний день процесса и накануне оглашения приговора, в кабинете Сталина собрались: Молотов, Каганович, Андреев, Орджоникидзе, Ворошилов, Ежов, Ульрих и Вышинский. В 16.30 к ним присоединился Микоян. Председатель Военной Коллегии Верховного суда СССР В.В. Ульрих и прокурор СССР А.Я. Вышинский покинули кабинет одновременно в 17.15⁴². Нетрудно догадаться, что главной темой данного совещания был судебный приговор. Следующий визит Вышинского к Сталину состоится только 19 февраля.

Таким образом, за время процесса антисоветского троцкистского центра А.Я. Вышинский четыре раза был вызван в кабинет Сталина.

---

³⁸ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 198.

³⁹ Там же. С. 200.

⁴⁰ Кроме Вышинского в кабинете Сталина побывали Жданов (с 20.50 до 21.15), Мехлис и Таль (оба с 22.20 до 22.30).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 200.

Записи, сохранившиеся в архиве прокурора СССР, показывают, что он получал от Сталина прямые указания по ведению судебного процесса и по содержанию обвинительной речи. Так, Сталин обязывал его характеризовать «обвиняемых как людей, борющихся якобы всю жизнь против В.И. Ленина, что они пали ниже Деникина, Колчака и других белогвардейцев и представляют из себя банду преступников»⁴³. Указания Сталина распространялись и на порядок ведения Вышинским допросов обвиняемых. В частности, Иосиф Виссарионович просил Андрея Януарьевича при допросе подсудимых Князева и Турока не давать им «говорить много о крушениях на транспорте», «не давать много болтать», «цыкнуть» на них и, если потребуется, остановить их болтовню.

Январский судебный процесс 1937 года был чрезвычайно значим для Сталина, но причина этого заключалась явно не в личностях подсудимых, как это было в случае с августовским процессом 1936 года, а их показаниями о Льве Давидовиче Троцком — о том, что бывший большевистский вождь твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Такие показания давались обвиняемыми следователям, но Сталину было важно, чтобы сказанное во время допросов было подтверждено публично, в открытом судебном процессе. Главной задачей Вышинского было вытянуть из подсудимых во время допросов в зале суда признания о подготовке по указаниям Троцкого террористических актов против руководителей ВКП (б) и Советского государства с целью захвата власти, о готовности Троцкого и его сторонников пойти ради достижения своих целей на сотрудничество с иностранными агрессорами, на уступки им территорий СССР, на свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и господства буржуазии. Протоколы заседаний процесса антисоветского троцкистского центра показывают, что прокурору СССР вполне удалось выполнить эту задачу. Кроме того, он сумел получить от подсудимых показания, подтверждавшие обвинения, выдвинутые против членов так называемого «троцкистско-зиновьевского террористического центра», приговоренных 24 августа

---

⁴³ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Том 2. С. 567.

1936 года к смертной казни, а также сведения о преступной деятельности Бухарина, Рыкова и Томского. Как уже отмечалось, Сталин был недоволен тем, как прошел указанный процесс, и явно желал повторить наиболее важные его сюжеты.

После оглашения обвинительного заключения начался публичный допрос Вышинским подсудимых. Первым допрашивался Юрий Леонидович Пятаков.

«Скажите, когда начался последний период вашей подпольной троцкистской деятельности?» — спросил его главный обвинитель. «С 1931 года — это последний период, не считая 1926–1927 годов», — ответил подсудимый. «В чем выразилась эта деятельность?» — продолжил допрос Вышинский. «В 1931 году я был в служебной командировке в Берлине, — начал отвечать Пятаков. — Одновременно со мной было несколько троцкистов, в том числе Смирнов и Логинов. Меня также сопровождал Москалев. Был и Шестов. В середине лета 1931 года в Берлине Смирнов Иван Никитич сообщил мне о том, что сейчас возобновляется с новой силой троцкистская борьба против советского правительства и партийного руководства, что он, Смирнов, имел свидание в Берлине с сыном Троцкого — Седовым, который дал ему по поручению Троцкого новые установки, выражавшиеся в том, что от массовых методов борьбы надо отказаться, что основной метод борьбы, который надо применять, это метод террора и, как он тогда выразился, метод противодействия мероприятиям советской власти»⁴⁴.

И.Н. Смирнов являлся одним из руководителей троцкистской организации, по делу о которой судебное разбирательство в августе 1936 года вел Вышинский, тем не менее Андрей Януарьевич спросил: «О каком Смирнове вы говорите?». «Известный троцкист Иван Никитич Смирнов», — пояснил Юрий Леонидович. «Тот самый, который судился?» — снова спросил, как бы для уточнения, Вышинский. «Да, тот самый, который впоследствии входил в объединенный зинovieвско-троцкистский центр», — подтвердил Пятаков.

Признавшись далее в том, что у него были неоднократные встречи со Смирновым, Пятаков сообщил: «В одну из таких встреч, когда у меня

---

⁴⁴ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 24.

никого не было в кабинете, он стал мне рассказывать о возобновлении троцкистской борьбы и о новых установках Троцкого. Тогда же Смирнов сказал, что одной из причин поражения троцкистской оппозиции 1926–27 гг. было то, что мы замкнулись в одной стране, что мы не искали поддержки извне. Тут же он передал мне, что со мной очень хочет увидеться Седов, и сам от своего имени рекомендовал мне встретиться с Седовым, так как Седов имеет специальное поручение ко мне от Троцкого»⁴⁵.

Подробности о встрече с сыном Л.Д. Троцкого Львом Седовым, которые Пятаков сообщил в ответ на вопросы Вышинского, заставляют полагать, что такая встреча действительно была, что он про нее не придумал, а вспомнил.. Юрий Леонидович спокойно рассказал: «Смирнов передал Седову мой телефон, и по телефону мы условились относительно встречи. Есть такое кафе “Амцоо”, недалеко от зоологического сада, на площади. Я пошел туда и увидел за столиком Льва Седова. Мы оба очень хорошо знали друг друга по прошлому. Он мне сказал, что говорит со мной не от своего имени, а от имени своего отца — Л.Д. Троцкого, что Троцкий, узнав о том, что я в Берлине, категорически предложил ему меня разыскать, со мной лично встретиться и со мной переговорить. Седов сказал, что Троцкий ни на минуту не оставляет мысли о возобновлении борьбы против сталинского руководства, что было временное затишье, которое объяснялось отчасти и географическими передвижениями самого Троцкого, но что эта борьба сейчас возобновляется, о чем он, Троцкий, ставит меня в известность. Причем образуется или образовался, — это мне сейчас трудно вспомнить, — троцкистский центр; речь идет об объединении всех сил, которые способны вести борьбу против сталинского руководства; нащупывается возможность восстановления объединенной организации с зиновьевцами»⁴⁶.

Пятаков говорил именно то, что и хотел от него услышать Вышинский. Говорил так, будто был не обвиняемым, а помощником главного обвинителя страны. Прокурор СССР в то время уже готовил новый судебный процесс над большевистскими вождями —

---

⁴⁵ Там же. С. 24–25.

⁴⁶ Там же. С. 25.

значительно более сложный, нежели предыдущие. И Пятаков постарался дать нужные для него показания, добавив к своему рассказу о встрече с сыном Троцкого: «Седов сказал также, что ему известно, что и правые в лице Томского, Бухарина и Рыкова оружия не сложили, только временно притихли, что и о ними надо установить необходимую связь. Это было как бы введение, прощупывание. После этого Седов мне задал прямо вопрос: “Троцкий спрашивает, намерены ли вы, Пятаков, включиться в эту борьбу?” Я дал согласие. Седов не скрыл своей большой радости по этому поводу. Он сказал, что Троцкий не сомневался в том, что, несмотря на нашу размолвку, которая имела место в начале 1928 года, он все же найдет во мне надежного соратника. После этого Седов перешел к изложению сущности новых методов борьбы: о развертывании в какой бы то ни было форме массовой борьбы, об организации массового движения не может быть и речи; если мы пойдем на какую-нибудь массовую работу, то это значит немедленно провалиться; Троцкий твердо стал на позицию насильственного свержения сталинского руководства методами террора и вредительства. Дальше Седов сказал, что Троцкий обращает внимание на то, что борьба в рамках одного государства — бессмыслица, что отмахиваться от международного вопроса нам никак нельзя. Нам придется в этой борьбе иметь необходимое решение также и международного вопроса или, вернее, междугосударственных вопросов»⁴⁷.

О том, какое решение «междугосударственных вопросов» имелось в виду, Ю.Л. Пятаков рассказал, когда во время допроса Вышинским завел речь о содержании директив Троцкого, переданных в Россию через Карла Радека в середине 1934 года и в конце 1935 года. О первой из указанных директив Юрий Леонидович сообщил, что Троцкий считал невозможным для правительства блока ни придти к власти, ни удержаться у власти «без необходимой поддержки со стороны иностранных государств», поэтому высказывал мнение «о необходимости соответствующего предварительного соглашения с наиболее агрессивными иностранными государствами, такими, какими являются Германия и Япония», добавляя при этом, что «им, Троцким, со

---

⁴⁷ Там же. С. 25.

своей стороны, соответствующие шаги уже предприняты в направлении связи как с японским, так и с германским правительствами»⁴⁸.

О второй директиве бывшего вождя большевиков Пятаков счел необходимым рассказать подробнее: «Примерно к концу 1935 года Радек получил обстоятельное письмо-инструкцию от Троцкого. Троцкий в этой директиве поставил два варианта о возможности нашего прихода к власти. Первый вариант — это возможность прихода до войны, и второй вариант — во время войны. Первый вариант Троцкий представлял в результате, как он говорил, концентрированного террористического удара. Он имел в виду одновременное совершение террористических актов против ряда руководителей ВКП(б) и Советского государства и, конечно, в первую очередь, против Сталина и ближайших его помощников. Вторым вариантом, который был с точки зрения Троцкого более вероятным, — это военное поражение. Так как война, по его словам, неизбежна, и притом в самое ближайшее время, война прежде всего с Германией, а возможно с Японией, следовательно, речь идет о том, чтобы путем соответствующего соглашения с правительствами этих стран добиться благоприятного отношения к приходу блока к власти, а, значит, рядом уступок этим странам на заранее договоренных условиях получить соответствующую поддержку, чтобы удержаться у власти. Но так как здесь был очень остро поставлен вопрос о поражении, о военном вредительстве, о нанесении чувствительных ударов в тылу и в армии во время войны, то у Радека и у меня это вызвало большое беспокойство. Нам казалось, что такая ставка Троцкого на неизбежность поражения объясняется в значительной мере его оторванностью и незнанием конкретных условий, незнанием того, что здесь делается, незнанием того, что собою представляет Красная армия, и что у него поэтому такие иллюзии. Это привело и меня и Радека к необходимости попытаться встретиться с Троцким»⁴⁹.

Вышинский сразу понял, что эти показания — ключевой момент всего процесса антисоветского троцкистского центра, что именно ради них Сталиным был инициирован данный процесс. Поэтому Андрей Януарьевич тут же обратился к тому, кто, по словам Пятакова, получал

---

⁴⁸ Там же. С. 40.

⁴⁹ Там же. С. 42.

директивы непосредственно от Л.Д. Троцкого: «Подсудимый Радек, были ли получены вами в 1935 году, или несколько раньше, от Троцкого два письма или больше?» Карл Радек подтвердил сказанное Пятаковым: «Одно письмо – в апреле 1934 года, второе – в декабре 1935 года». «Содержание их соответствует тому, что здесь говорил Пятаков?» – снова спросил Вышинский. «В основах – да», – ответил Радек и дал следующие пояснения: «В первом письме по существу речь шла об ускорении войны, как желательном условии прихода к власти троцкистов. Второе же письмо разрабатывало эти, так называемые, два варианта – прихода к власти во время мира и прихода к власти в случае войны. В первом письме социальные последствия тех уступок, которые Троцкий предлагал, не излагались. Если идти на сделку с Германией и Японией, то, конечно, для прекрасных глаз Троцкого никакая сделка не совершится. Но программы уступок он в этом письме не излагал. Во втором письме речь шла о той социально-экономической политике, которую Троцкий считал необходимой составной частью такой сделки по приходе к власти троцкистов»⁵⁰.

Упомянув о плане Троцкого заключить после захвата власти в СССР сделку с Германией и Японией, Радек замолчал. Но Вышинский заставил его рассказать о ней подробнее. «В чем это заключалось?» – поинтересовался он, и Радек довольно обстоятельно разъяснил, в чем была суть преступного замысла Троцкого: «Если спросить о формуле, то это было возвращение к капитализму, реставрация капитализма. Это было завуалировано. Первый вариант усиливал капиталистические элементы, речь шла о передаче в форме концессий значительных экономических объектов и немцам и японцам, об обязательствах поставки Германии сырья, продовольствия, жиров по ценам ниже мировых. Внутренние последствия этого были ясны. Вокруг немецко-японских концессионеров сосредоточиваются интересы частного капитала в России. Кроме того, вся эта политика была связана с программой восстановления индивидуального сектора, если не во всем сельском хозяйстве, то в значительной его части. Но если в первом варианте дело шло о значительном восстановлении капиталистических элементов, то во втором – контрибуции и их последствия, передача

---

⁵⁰ Там же. С. 42–43.

немцам в случае их требований тех заводов, которые будут специально ценны для их хозяйства. Так как он в том же самом письме отдавал себе уже полностью отчет, что это есть возрождение частной торговли в больших размерах, то количественное соотношение этих факторов давало уже картину возвращения к капитализму, при котором оставались остатки социалистического хозяйства, которые бы тогда стали просто государственно-капиталистическими элементами. В первом письме не было социальной программы, во втором она есть. Первое было короткое – об ускорении войны, а второе письмо – с оценкой международного положения, здесь рассматривалась тактика на случай войны»⁵¹.

Для придания своему рассказу большей убедительности Радек дополнил его конкретным фактом: «Если первое письмо надо рассматривать как толчок для пораженческой тактики, то второе письмо давало полную разработанную программу, поэтому оно и отличается по своему объему. Первое письмо было на 2–3 страничках, а второе – 8 страничек на английской тонкой бумаге, подробное письмо»⁵².

Допрашивая Карла Радека на утреннем заседании 24 января, Вышинский прежде всего постарался получить от него публичные показания на руководителей троцкистско-зиновьевской организации, осужденных и расстрелянных за пять месяцев до этого. Январский 1937 года процесс антисоветского троцкистского центра одновременно являлся как будто продолжением проходившего в августе 1936 г. процесса троцкистско-зиновьевского террористического центра.

«Когда вы узнали о существовании и деятельности объединенного центра?» – спросил Вышинский. «Я узнал о возникновении его в ноябре 1932 года», – сообщил К.Б. Радек. На вопрос «От кого?» Карл Бернгардович ответил: «Предварительно о том, что готовится, я узнал из письма Троцкого ко мне в феврале – марте 1932 года. О самом факте возникновения организации я узнал от Мрачковского в ноябре 1932 года»⁵³.

Рассказывая о содержании упомянутого разговора, Радек вспомнил, что троцкист Мрачковский совершенно определенно сказал: «Борьба

---

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. С. 52.

вошла в террористическую фазу и для реализации этой тактики мы теперь объединились с зиновьевцами и возьмемся за подготовительную работу»⁵⁴. «Какую подготовительную работу?» – решил уточнить Вышинский и услышал от Радека: «Ясно, что раз новым положением был террор, то подготовительная работа должна была заключаться в собирании и создании террористических кадров»⁵⁵.

Радек не умолчал и своих разговорах с Бухариным, в которых бывший большевистский вождь показал себя таким же сторонником террора, как и Троцкий. По словам Радека, «первый разговор был в июне или июле 1934 года, после перехода Бухарина для работы в редакцию “Известий”. В это время мы с ним заговорили, как члены двух контактирующихся центров. Я его спросил: “Вы встали на террористический путь?” Он сказал: “Да”. Когда я его спросил, кто руководит этим делом, то он сказал об Угланове и назвал себя, Бухарина. Во время разговора он мне сказал, что надо готовить кадры из академической молодежи. Технические и всякие другие конкретные вещи не были предметом разговора с нашей стороны. Мрачковский при встрече пытался поставить этот вопрос Бухарину, но Бухарин ему ответил: “Когда тебя назначат командующим всеми террористическими организациями, тогда тебе все на стол выложим”»⁵⁶.

В другом разговоре, который состоялся в июле 1935 года, Бухарин, согласно показаниям Радека, сообщил, что у них в центре думают, «было бы легкомыслием и малодушием на основе результатов убийства Кирова отказываться вообще от террора, что, наоборот, нужно перейти к планомерной, продуманной, серьезной борьбе, от партизанщины – к планомерному террору»⁵⁷.

Карл Радек действительно вел переписку с Троцким: этот факт подтверждается документами архива Троцкого в Гарвардском университете⁵⁸. Вышинский придал ему первостепенное значение во

---

⁵⁴ Там же. С. 53.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. С. 55–56.

⁵⁷ Там же. С. 56.

⁵⁸ См.: Томсинов В.А. Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954): государственный деятель и правовед. Статья шестнадцатая // Законодательство. 2018. № 11. С. 93–94.

время допроса на судебном заседании. «Подсудимый Радек, сообщите, пожалуйста, суду о содержании вашей переписки с Троцким, касающейся вопросов, если можно так выразиться, внешней политики», — потребовал главный обвинитель, заранее зная, что получит нужный ответ. «У меня было три письма Троцкого: в апреле 1934 года, в декабре 1935 года и в январе 1936 года, — рассказал Радек. — В письме от 1934 года Троцкий ставил вопрос так: приход к власти фашизма в Германии коренным образом меняет всю обстановку. он означает войну в ближайшей перспективе, войну неизбежную, тем более, что одновременно обостряется положение на Дальнем Востоке. Троцкий не сомневается, что эта война приведет к поражению Советского Союза. Это поражение, писал он, создает реальную обстановку для прихода к власти блока, и из этого он делал вывод, что блок заинтересован в обострении столкновений. Троцкий указывал в этом письме, что он установил контакт с неким дальневосточным и неким средне-европейским государствами и что он официозным кругам этих государств открыто сказал, что блок стоит на почве сделки с ними и готов на значительные уступки и экономического и территориального характера. Он требовал в письме, чтобы мы в Москве использовали возможность для подтверждения представителям соответствующих государств нашего согласия с этими его шагами»⁵⁹.

Карл Бернгардович замолчал, но Вышинский счел его ответ неполным. «Вы сказали, что было и второе письмо — в декабре 1935 года. Расскажите о нем», — настойчиво попросил прокурор. Радек вынужден был дать весьма подробный ответ: «Если до этого времени Троцкий там, а мы здесь, в Москве, говорили об экономическом отступлении на базе Советского государства, то в этом письме намечался коренной поворот. Ибо, во-первых, Троцкий считал, что результатом поражения явится неизбежность территориальных уступок, и называл определенно Украину. Во-вторых, дело шло о разделе СССР. В-третьих, с точки зрения экономической, он предвидел следующие последствия поражения: отдача не только в концессию важных для империалистических государств объектов

---

⁵⁹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С. 57.

промышленности, но и передача, продажа в частную собственность капиталистическим элементам важных экономических объектов, которые они наметят. Троцкий предвидел облигационные займы, т.е. допущение иностранного капитала к эксплуатации тех заводов, которые формально останутся в руках Советского государства.

В области аграрной политики он совершенно ясно ставил вопрос о том, что колхозы надо будет распустить, и выдвигал мысль о предоставлении тракторов и других сложных с.-х. машин единоличникам для возрождения нового кулацкого слоя. Наконец, совершенно открыто ставился вопрос о необходимости возрождения частного капитала в городе. Ясно было, что шла речь о реставрации капитализма.

В области политической новой в этом письме была постановка вопроса о власти. В письме Троцкий сказал: ни о какой демократии речи быть не может. Рабочий класс прожил 18 лет революции, и у него аппетит громадный, а этого рабочего надо будет вернуть частью на частные фабрики, частью на государственные фабрики, которые будут находиться в состоянии тяжелейшей конкуренции с иностранным капиталом. Значит — будет крутое ухудшение положения рабочего класса. В деревне возобновится борьба бедноты и середняка против кулачества. И тогда, чтобы удержаться, нужна крепкая власть, независимо от того, какими формами это будет прикрыто»⁶⁰.

Замыслы Троцкого, о которых рассказали на процессе антисоветского троцкистского центра Ю.Л. Пятаков и К.Б. Радек, хотелось бы считать всего лишь измышлениями, придуманными организаторами данного процесса, — уж очень фантастическими они кажутся. Их действительно можно было бы считать лживыми, если бы не видели мы три десятилетия тому назад, как последовательно, самым полным и жестоким образом они осуществились в нашей стране.

3

Допросы всех семнадцати обвиняемых в рамках судебного процесса по делу антисоветского троцкистского центра заняли пять

---

⁶⁰ Там же. С. 59–60.

дней и завершились на вечернем заседании 27 января. Протоколы судебных заседаний, публиковавшиеся в газетах «Правда» и «Известия ЦИК СССР и ВЦИК» и затем изданные отдельной книгой⁶¹, демонстрировали деятельное раскаяние подсудимых: все они безоговорочно признавались в совершении преступлений, в которых обвинялись.

Между тем среди инкриминированных им преступлений было и такое в высшей степени позорное с точки зрения правосознания советского общества деяние, как измена родине. Статья 58^{1а} действовавшего в то время Уголовного кодекса РСФСР определяла это преступление как «действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории». Удивительно, но подсудимые признавались в совершении и таких преступных действий. Сообщали на допросах, что вступили «в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы против Советского Союза», в том, что обязались, в случае прихода к власти, «предоставить этим государствам целый ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок».

Доказательства совершения подсудимыми такого рода действий рассматривались на закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда Союза ССР вечером 27 января. В опубликованной стенограмме процесса было приведено лишь краткое сообщение о происходившем. Суд заслушал сначала экспертов — инженеров Лекуса и Покровского, изложивших «свое заключение по утвержденным судом вопросам, не подлежащим обсуждению в открытом судебном заседании». Затем «свидетель *Штейн* дал показания о своих связях с официальным представителем одного из иностранных государств». После этого были допрошены подсудимые *Пятаков*, *Сокольников*, *Радек* «об их связи с официальными представителями иностранных государств и о переговорах с представителями этих государств в соответствии с установками Троцкого на ускорение войны против СССР, содействие агрессивным иностранным

---

⁶¹ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937.

государствам в поражении СССР и расчленении его территории». Далее в сообщении о закрытом заседании Военной коллегии Верховного суда было отмечено, что «допросом подсудимых *Радека* и *Сокольников*, а также предъявлением им соответствующих документов установлены личности в должностное положение представителей иностранных государств, с которыми подсудимые *Радек* и *Сокольников* вели переговоры. Допросом подсудимых *Ратайчака*, *Князева*, *Турока*, *Граше*, *Шестова* и *Строилова* установлены конкретные связи их с агентами иностранных разведок по шпионской и диверсионной работе, которая ими велась в СССР как по заданиям этих разведок, так и по заданиям антисоветского троцкистского центра, — на основе установок Троцкого. Допросом подсудимых, предъявлением и оглашением соответствующих документов установлены фамилии и должностное положение упоминаемых в обвинительном заключении г-на К., г-на Х. и других лиц, о которых упоминалось в судебном следствии без оглашения их фамилий»⁶².

Иностранные корреспонденты, присутствовавшие на открытых судебных заседаниях по делу антисоветского троцкистского центра, не верили, что признания подсудимых в совершении тяжких преступлений делались добровольно. Репортер газеты «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти лично знал Карла Радека и с недоверием отнесся к выдвинутым в его адрес обвинениям. В статье «Радек побеждает упадок остроумия на процессе», опубликованной 25 января 1937 года, американский корреспондент поделился своими впечатлениями от допроса известного большевистского публициста: «Под тенью верной смерти это было ясное и смелое представление, но мое сердце горело, когда мой друг Радек произнес слова .., которые затянули петлю вокруг его собственной шеи... Радек так многому меня научил и так часто мне помогал — как я мог поверить в его вину, пока не услышал его слов?»⁶³.

⁶² Правда. 1937. № 27 (6993). 28 января. С. 4. Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). С. 166.

⁶³ «Under the shadow of certain death it was a clear and brave performance, but it burned my heart to watch my friend Radek utter the words...that tied the noose around his own neck... Radek taught me so much and helped me so often — how could I believe him guilty until I heard him say so?» (*Duranty W. Radek Wins Tilt of Wits at Trial // New York Times. 1937. 25 January. P. 3*).

Ответы подсудимых на вопросы прокурора СССР Вышинского убедили Уолтера Дюранти в том, что они действительно думали и говорили о необходимости отстранения сталинской группировки от власти любыми средствами, в том числе и путем поражения своей страны в случае внешней агрессии. При этом он не увидел каких-либо серьезных доказательств того, что ими были совершены реальные действия для осуществления этого замысла. Более того, наблюдая за поведением подсудимых, американский корреспондент пришел к выводу о том, что они и не могли вследствие присущих им личностных свойств воплотить свои замыслы в действия. «Удивительной особенностью этих московских процессов, — отмечал У. Дюранти, — является то, что во всех них есть элемент театра, и тем не менее они представляют собой не просто спектакль, за который проигравшие расплачиваются своими жизнями. Данный процесс — чистый “Гамлет”, но его актеры не оживут, когда опустится занавес. Показания Радека сегодня и Григория Сокольников, и Л. Серебрякова отчетливо продемонстрировали, что в них “я не смею” сильнее “я хотел бы”⁶⁴. **Они планировали это и говорили об этом, но в реальности мало что делали.** Они говорили, что следовали за Троцким, полагая, что сталинский режим может быть свергнут только путем поражения их страны, но ничего не могли предпринять, потому что в их сердцах таилось внутреннее противоречие. **Каждый из них мог бы убить Сталина, но они не сделали этого — не от страха, а из-за этого внутреннего противоречия, которое разрушило весь их заговор. Эту странную русскую историю способны понять только читатели Федора Достоевского»⁶⁵.**

---

⁶⁴ Дословно: «Let I dare not wait upon I would». Американский репортер цитирует здесь высказывание леди Макбет из первого акта седьмой сцены пьесы Уильяма Шекспира «Макбет»: «And live a coward in thine own esteem, Letting 'I dare not' wait upon 'I would'...». В переводе Михаила Лозинского (который, по моему мнению, является лучшим) данная фраза звучит на русском языке следующим образом: «Живя, как трус, и сам же видя это, Отдав "хотел бы" под надзор "не смею"...».

⁶⁵ «That is an amazing feature of these Moscow trials; that all have an element of the theater, and yet it is not just a play, for the losers pay with their lives. This trial is pure Hamlet, but there will be no come-back for the actors when the curtain falls. Radek's testimony today and Gregory Sokolnikov's and L. Serebryakov's showed clearly that they had “Let I dare not wait upon I would”. **They planned this and talked that, but in reality did little.** They said they followed Trotsky in believing that Stalin's regime could

Позднее, в статье, опубликованной в газете «Нью-Йорк Таймс» 30 января 1937 года и посвященной приговору по делу антисоветского троцкистского центра, Уолтер Дюранти с сожалением заметит, что «в открытых судебных заседаниях не было представлено никаких документальных доказательств»⁶⁶.

Американский правовед Макс Радин выражал такое же мнение. «Слабым местом дела для обвинения является отсутствие писем, написанных либо обвиняемыми, либо к ним, из которых можно было бы вывести заключения относительно их участия в революционном заговоре»⁶⁷, — утверждал он в статье «Московские процессы: юридический взгляд», опубликованной в октябрьском номере журнала «Foreign Affairs» за 1937 год. Макс Радин не присутствовал на судебном процессе в Москве. Свои выводы о его юридической базе он делал на основе английского текста судебного отчета по делу антисоветского троцкистского центра, изданного в Нью-Йорке вскоре после его завершения⁶⁸. Наиболее интересный из этих выводов касался признаний обвиняемыми своей вины. По словам Макса Радина, «публичные признания всех обвиняемых чрезвычайно трудно объяснить на каком-либо правдоподобном основании, если только они не были действительно виновны. Беспрецедентно, что люди такого типа — некоторые из них отличались высоким интеллектом, некоторых можно назвать солдатами, доказавшими свою храбрость, — должны были действовать так, как они действовали, не имея каких-либо разумных оснований считать, что они смогут

---

be overthrown only by their country's defeat, but they could not quite do things because there was an inner contradiction in their heart. **Anyone of them might have killed Stalin, but they did not** — not from fear but on account of this inner contradiction that ruined their whole plot. This is a strange Russian story, which only readers of Feodor Dostoyevsky will understand» (*Duranty W. Radek Wins Tilt of Wits at Trial // New York Times. 1937. January 25. P. 3*).

⁶⁶ *Duranty W. Soviet Dooms 13; Radek And Others Get 10-Year Terms // New York Times. 1937. 30 January. P. 2.*

⁶⁷ «The weakness of the case for the prosecution is the absence of letters written either by the accused or to them, from which inferences could be drawn as to their participation in a revolutionary conspiracy» (*Radin M. The Moscow Trials: A Legal View // Foreign Affairs. 1937. Vol. 16. No. 1 (Oct.). P. 79*).

⁶⁸ Report of Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet Trotskyite Center. Moscow: People's Commissariat of Justice of the U.S.S.R., 1937. New York, 1937.

избежать смертной казни, и без каких-либо конкретных свидетельств применения к ним пыток. Мы могли бы далее предположить, что обвинение заставило их вступить в заговор с целью инкриминирования этого преступления Троцкому и его сыну, без выгоды для себя и не облегчая правительству арест и наказание Троцкого. Это возможно, так же, как вполне возможно, что существуют достаточные, хотя и нераскрытые причины отсутствия документальных доказательств»⁶⁹.

А.Я. Вышинский как государственный обвинитель на процессе антисоветского троцкистского центра не мог не сознавать, что отсутствие необходимых документальных доказательств придавало обвинению спорный, недостаточно убедительный характер. Поэтому в своей обвинительной речи, произнесенной 28 января 1937 года, он постарался объяснить причины, по которым суду не были представлены документы, подтверждавшие признательные показания обвиняемых.

«Наш закон требует, — напомнил прокурор СССР, — производить оценку имеющихся в деле доказательств по внутреннему убеждению суда, на основании рассмотрения всех обстоятельств дела в их совокупности. 320-я статья Уголовно-процессуального кодекса РСФСР говорит о необходимости постановки на разрешение суда при вынесении приговора ряда вопросов. Из них я считаю наиболее существенными и важнейшими два первых вопроса: вопрос о том, имело ли место деяние, приписываемое подсудимому и, во-вторых, содержит ли это деяние в себе состав уголовного преступления? На оба эти вопроса обвинение дает положительный ответ. Да, приписываемые обвиняемым преступления имели место.

---

⁶⁹ «On the other hand, the public confessions of all the defendants are extremely difficult to explain on any plausible ground unless they were actually guilty. It is unprecedented that men of this type — some of them of high intelligence, some of them soldiers of proved courage — should have acted as they did without any reasonable ground to believe that they would escape the death penalty and without any specific evidence of torture. We should further have to assume that the prosecution forced them to enter into a conspiracy to incriminate Trotsky and his son without advantage to themselves and without thereby making the seizure and punishment of Trotsky easier for the government. This is possible, just as it is possible that there are adequate if undisclosed reasons for the absence of documentary evidence» (Ibidem).

Приписываемые обвиняемым деяния ими совершены, и эти деяния заключают в себе полный состав уголовного преступления. В этих двух вопросах не может быть никакого сомнения. Но какие существуют и нашем арсенале доказательства с точки зрения юридических требования?»⁷⁰

Прокурор СССР задал в своей речи вопрос, который, как правило, задавали иностранные наблюдатели судебных процессов над троцкистскими организациями и который не могли не задавать себе профессиональные юристы. Его ответ на этот вопрос был неожиданным и в то же время вполне убедительным. «Надо сказать, — заявил Андрей Януарьевич, — что характер настоящего дела таков, что именно этим характером предопределяется и своеобразие возможных по делу доказательств. Мы имеем заговор, мы имеем перед собой группу людей, которая собиралась совершить государственный переворот, которая организовалась и вела в течение ряда лет или осуществляла деятельность, направленную на то, чтобы обеспечить успех этого заговора, заговора, достаточно разветвленного, заговора, который связал заговорщиков с зарубежными фашистскими силами. Как можно поставить в этих условиях вопрос о доказательствах? Можно поставить вопрос так: заговор, вы говорите, но где же у вас имеются документы? Вы говорите программа, но где же у вас имеется программа? У этих людей где-нибудь есть писаная программа? Об этом они только говорят. Вы говорите, что это есть организация, что это есть какая-то банда (а они называют себя партией), но где же у них постановления, где же у них вещественные следы этой заговорщической деятельности — устав, протоколы, печати и пр. и т.п.? Я беру на себя смелость утверждать, в согласии с основными требованиями науки уголовного процесса, что в делах о заговоре таких требований предъявлять нельзя. Нельзя требовать, чтобы в делах о заговоре, о государственном перевороте мы подходили с точки зрения того — дайте нам протоколы, постановления, дайте членские книжки, дайте номера ваших членских билетов, требовать, чтобы заговорщики совершали заговор по удостоверению их преступной

---

⁷⁰ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 210.

деятельности в нотариальном порядке. Ни один здравомыслящий человек не может так ставить вопрос в делах о государственном заговоре. Да, у нас на этот счет имеется ряд документов. Но если бы их и не было, мы все равно считали бы себя вправе предъявлять обвинения на основе показаний и объяснений обвиняемых и свидетелей и, если хотите, — косвенных улик. Я в данном случае должен сослаться хотя бы на такого блестящего процессуалиста, каким является известный старый английский юрист Уильям Уильз, который в своей книге “Опыт теории косвенных улик” говорит, как сильны бывают косвенные улики и как косвенным уликам принадлежит нередко убедительность гораздо большая, чем прямым доказательствам»⁷¹.

Книга, на которую сослался Вышинский, была издана в переводе на русский язык в 1864 году. Автор ставил в ней целью показать на примере конкретных случаев основания доверия к уликам косвенного характера, определить их действительное значение и доказательную силу. Для обвинительной речи Вышинского особое значение имело следующее высказывание Уильяма Уильза: «Мы пришли к тому заключению, что косвенные улики, по существу своему, отличаются от прямого и положительного свидетельства и принадлежат к низшему разряду доказательств, но что, несмотря на это, доказательная сила их если не во всех случаях, то весьма часто, превосходит среднюю силу прямых доказательств, и что, при соблюдении упомянутых нами предосторожностей, они представляют твердое основание для важнейших приговоров, в тех случаях, которые не допускают представления прямых доказательств»⁷². Определяя причины, по которым судьи должны в полной мере доверять косвенной улике, Уильям Уильз утверждал, что ее сила и значение «заключается в несовместимости и несообразности какого-либо другого объяснения известного факта, кроме того предположения, в доказательство которого она представляется. Этот род аргументации

---

⁷¹ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского. С. 211.

⁷² Опыт теории косвенных улик, объясненный примерами Уильяма Уильза. Перевод с третьего издания. М., 1864. С. 238.

походит на математический способ доказательства посредством представления нелепости противного (*reductio ad absurdum*)»⁷³.

Выраженное прокурором СССР в обвинительной речи мнение о том, что «своеобразие возможных по делу доказательств» предопределяется характером данного дела разделяли и другие авторитетные советские правоведы, специалисты в области уголовного права и уголовного процесса. Так, С.В. Познышев, исследуя значению косвенных улик при расследовании преступлений, приходил к следующему выводу: «Косвенные улики бесчисленны и бесконечно разнообразны. Произведенный выше анализ показывает относительность понятия косвенных улик и зависимость их значения от обстоятельств, в связи с которыми они стоят в данном конкретном случае»⁷⁴. Сергей Викторович считал совершенно правильной точку зрения, признающую «в принципе одинаковую доказательственную силу прямых и косвенных улик»⁷⁵.

М.С. Строгович, высказывания которого по различным вопросам уголовного процесса, и в том числе по проблеме оценки доказательств, Вышинский неоднократно критиковал⁷⁶, также не считал косвенные доказательства менее значимыми для судебного приговора, чем доказательства прямые. «Косвенными доказательствами, — писал Михаил Соломонович в «Учебнике уголовного процесса», — являются те, которые, не устанавливая непосредственно виновности обвиняемого, устанавливают различные побочные, посредствующие обстоятельства, которые, взятые в совокупности с другими данными дела, объективно приводят к выводу о причастности данного лица к рассматриваемому преступлению». При этом он делал следующий вывод: «По существу косвенные доказательства вовсе не являются худшими, менее доброкачественными, чем прямые: качество доказательства зависит в значительной мере от обстоятельств каждого дела. По ряду дел косвенные

---

⁷³ Там же. С. 17.

⁷⁴ Познышев С.В. Косвенные улики и их значение при расследовании преступлений // Ученые записки Всесоюзного института юридических наук НКЮ СССР. 1941. Вып. 2. С. 260.

⁷⁵ Там же. С. 231.

⁷⁶ См., например: Вышинский А.Я. Проблема оценки доказательств в уголовном процессе // Социалистическая законность. 1936. № 7. С. 23.

доказательства образуют крепко спаянную цепь, в которой одно звено так тесно увязывается с другими, что в результате получается более веский и убедительный доказательственный материал, чем некоторые прямые, но очень сомнительные доказательства»⁷⁷. Именно эти мысли выражал в своей обвинительной речи на процессе антисоветского троцкистского центра прокурор СССР. Он не ограничился заявлением о том, что в делах о заговоре, о государственном перевороте обвинение может предъявляться на основании одних только косвенных доказательств, поскольку прямые доказательства чаще всего в таких случаях бывают недоступны для следствия и суда, но постарался показать обоснованность предъявленных подсудимым обвинений. «Мы опираемся на ряд доказательств, которые могут служить в наших руках проверкой обвинительных утверждений, обвинительных тезисов», – сообщил Вышинский.

Первыми среди таких доказательств, относившихся к категории косвенных, им были названы факты прошлой деятельности троцкистов, подтверждавшие обвинительные тезисы, выдвинутые против подсудимых как членов антисоветского троцкистского центра. Согласно формуле обвинения данная организация ставила главной своей задачей «содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии». Косвенными доказательствами наличия у троцкистов этого преступного плана прокурор СССР посчитал не только показания обвиняемых на следствии и в суде, но и факты, показывающие, что Троцкий и его сторонники еще в 1922 году предлагали «разрешить нашим промышленным предприятиям, трестам закладывать наше имущество, в том числе и основной капитал, частным капиталистам для получения кредитов, которые тогда действительно были нужны Советскому государству». Сообщая в своей обвинительной речи об этом стремлении троцкистов, Вышинский пояснил, что оно «уже тогда было ступенькой к возврату к власти капиталистов, к тому, чтобы капиталистов, финансистов, заводчиков вновь сделать хозяевами наших фабрик и заводов и отнять у наших рабочих

---

⁷⁷ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса. М., 1938. С. 87.

завоеванные ими при советской власти права. Эти господа уверяли, что советское хозяйство “все более и более срачивается с капиталистическим хозяйством”, т.е. превращается в придаток мирового капитализма. Они уверяли, что “мы все время будем находиться под контролем мирового хозяйства”, то есть утверждали то, о чем мечтали капиталистические акулы»⁷⁸. Подняв из пыли прошлого данный факт, государственный обвинитель бросил его, как камень, в сидевших перед ним обвиняемых: «Капиталистический контроль, о котором тогда говорили, мечтали и которого требовали троцкисты и вот эти, сидящие здесь на скамье подсудимых главари троцкистского блока, — это право капиталистов распоряжаться нашей родиной, нашими рынками. Капиталистический контроль означает, наконец, — говорил товарищ Сталин, — контроль политический, уничтожение политической самостоятельности нашей страны, приспособление законов страны к интересам и вкусам международного капиталистического хозяйства. Вот что означал этот, так называемый, капиталистический контроль, о котором тосковали Троцкий и некоторая часть, головка сидящего здесь на скамье подсудимых, так называемого, анти-советского троцкистского центра»⁷⁹.

Второй разновидностью косвенных улик, составивших основу обвинения, Вышинский назвал показания подсудимых, которые, как он заметил, «и сами по себе представляют громаднейшее доказательственное значение»⁸⁰. В своей речи Андрей Януарьевич приоткрыл методику их оценки, разработанную наукой уголовного процесса и применявшуюся советской прокуратурой и судом. «Мы не ограничивались тем, что суд выслушивал только объяснения обвиняемых, — сообщил он: — всеми возможными и доступными нам средствами мы проверяли эти объяснения. Я должен сказать, что это мы здесь делали со всей объективной добросовестностью и со всей возможной тщательностью. Для того, чтобы отличить правду от лжи на суде, достаточно, конечно, судейского опыта, и каждый судья, каждый прокурор и защитник, которые провели не один десяток

---

⁷⁸ Речь государственного обвинителя прокурора СССР тов. А.Я. Вышинского. С. 173.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же. С. 211.

процессов, знают, когда обвиняемый говорит правду и когда он уходит от этой правды в каких бы то ни было целях. Но допустим, что показания обвиняемых не могут служить убедительными доказательствами. Тогда надо ответить на несколько вопросов, как требует от нас наука уголовного процесса. Если эти объяснения не соответствуют действительности, тогда это есть то, что называется в науке оговором. А если это оговор, то надо объяснить причины этого оговора. Эти причины могут быть различны. Надо показать, имеются ли налицо эти причины. Это может быть личная выгода, личный расчет, это желание кому-нибудь отомстить и т.д. Вот если с этой точки зрения подойти к делу, которое разрешается здесь, то вы в своей совещательной комнате должны будете также проанализировать эти показания, дать себе отчет в том, насколько убедительны личные признания обвиняемых, вы обязаны будете перед собою поставить вопрос и о мотивах тех или иных показаний подсудимых или свидетелей»⁸¹.

Обратившись с позиции изложенной им теории и методики оценки показаний подсудимых к рассматривавшемуся делу, государственный обвинитель заявил: «Обстоятельства данного дела, проверенные здесь со всей возможной тщательностью, убедительно подтверждают то, что говорили здесь обвиняемые. Нет никаких оснований допускать, что Пятаков — не член центра, что Радек не был на дипломатических приемах и не говорил с господином К., или с господином Х., или с каким-нибудь другим господином, как его там звать, что он с Бухариным не кормил “яичницей с колбасой” каких-то приехавших неофициально к нему лиц, что Сокольников не разговаривал с каким-то представителем, “визируя мандат Троцкому”. Все то, что говорили они об их деятельности, проверено экспертизой, предварительным допросом, признаниями и показаниями и все это не может подлежать какому бы то ни было сомнению. Я считаю, что все эти обстоятельства позволяют утверждать, что в нашем настоящем судебном процессе, если есть недостаток, то недостаток не в том, что обвиняемые сказали здесь все, что они сделали, а что обвиняемые все-

---

⁸¹ Там же. С. 211–212.

таки до конца не рассказали всего того, что они сделали, что они совершили против Советского государства»⁸².

Сославшись на опыт предыдущих процессов над троцкистами и зиновьевцами, во время которых обвиняемые клялись в том, что говорят всю правду, а потом при дальнейшем расследовании обнаруживалось, что они, уже одной ногой стоявшие в могиле, лгали, Вышинский еще раз повторил: «Если можно сказать о недостатках данного процесса, то этот недостаток я вижу только в одном: я убежден, что обвиняемые не сказали и половины всей той правды, которая составляет кошмарную повесть их страшных злодеяний против нашей страны, против нашей великой родины!»⁸³

В заключительной части своей речи прокурор СССР пафосно объявил, в чем обвинялись подсудимые. «Я обвиняю сидящих здесь перед нами людей в том, что в 1933 году по указанию Троцкого был организован под названием “параллельный” центр в составе обвиняемых по настоящему делу Пятакова, Радека, Сокольникова и Серебрякова, в действительности представлявший собой действующий активный троцкистский центр, что этот центр по поручению Троцкого, через обвиняемых Сокольникова и Радека, вступил в сношение с представителями некоторых иностранных государств в целях организации совместной борьбы с Советским Союзом, причем центр обязался, в случае прихода своего к власти, предоставить этим государствам ряд политических и экономических льгот и территориальных уступок; что этот центр через своих членов и других членов преступной троцкистской организации занимался шпионажем в пользу этих государств, снабжая иностранные разведки важнейшими, секретнейшими, имеющими огромное государственное значение материалами; что в целях подрыва хозяйственной мощи и обороноспособности нашей страны этот центр и его сообщники организовали и провели ряд диверсионных и вредительских актов, повлекших за собой человеческие жертвы, причинивших значительный ущерб нашему Советскому государству. В этом я обвиняю членов “параллельного” антисоветского троцкистского центра – Пятакова,

---

⁸² Там же. С 212.

⁸³ Там же. С. 213.

Радека, Сокольникова и Серебрякова, – т.е. в преступлениях, предусмотренных статьями УК РСФСР: 58^{1а} – измена родине, 58⁶ – шпионаж, 58⁸ – террор, 58⁹ – диверсия, 58¹¹ – образование тайных преступных организаций.

Я обвиняю всех остальных подсудимых: Лившица, Муралова Н., Дробниса, Богуславского, Князева, Ратайчака, Норкина, Шестова, Строилова, Турока, Граше, Пушина и Арнольда в том, что они повинны в тех же самых преступлениях, как члены этой организации, несущие полную и солидарную ответственность за эти преступления, вне зависимости от индивидуального отличия их преступной деятельности, которая характеризует преступления каждого из них, т.е. в преступлениях, предусмотренных теми же статьями Уголовного кодекса»⁸⁴.

Основным обвинением, предъявлявшимся подсудимым, Вышинский назвал измену родине, каравшуюся по ст. 58^{1а} Уголовного кодекса РСФСР «высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах – лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества». Напомнив судьям о том, что они должны будут в совещательной комнате ответить на вопрос – есть ли у обвиняемых и у каждого из них в отдельности индивидуальные и конкретные обстоятельства, которые позволили бы смягчить угрожающее им по закону наказание, он счел необходимым сказать, что не видит в этом деле таких смягчающих обстоятельств.

Закончил же свою речь Андрей Януарьевич словами, которые произвели на присутствовавших в зале сильнейшее впечатление. «Я обвиняю не один! – воскликнул он. – Рядом со мной, товарищи судьи, я чувствую, будто вот здесь стоят жертвы этих преступлений и этих преступников на костылях, искалеченные, полуживые, а, может быть, вовсе без ног как та стрелочница ст. Чусовская т. Наговицына, которая сегодня обратилась ко мне через “Правду” и которая в 20 лет потеряла обе ноги, предупреждая крушение, организованное вот этими людьми! Я не один! Я чувствую, что рядом со мной стоят вот здесь погибшие и искалеченные жертвы жутких преступлений,

---

⁸⁴ Там же.

требующие от меня, как от государственного обвинителя, предъявлять обвинение в полном объеме.

Я не один! Пусть жертвы погребены, но они стоят здесь рядом со мною, указывая на эту скамью подсудимых, на вас, подсудимые, своими страшными руками, истлевшими в могилах, куда вы их отправили!..

Я обвиняю не один! Я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных одной только меры наказания – расстрела, смерти!»⁸⁵

Долго несмолкающие аплодисменты и восторженные крики были наградой Вышинскому за эту речь, продолжавшуюся пять часов. Для обвиненных в тяжких преступлениях против своей родины этот восторг зала звучал как выстрел, исполняющий приговор. Приговор, еще не объявленный судом...

* * *

После выступления Вышинского председатель Военной коллегии Верховного суда В.В. Ульрих опросил подсудимых, ранее отказавшихся от защитительной речи, не желают ли они все же воспользоваться своим правом на нее. Все они подтвердили свой отказ. В связи с этим суду предстояло заслушать выступления адвокатов лишь трех подсудимых – И.А. Князева, В.В. Арнольда и Г.Е. Пушина. Адвокаты первых двух успели выступить в тот же день. Адвокат третьего подсудимого произнес защитительную речь на следующий день, 29 января.

Все адвокаты в сущности не защищали своих подзащитных, а лишь просили суд проявить к ним снисхождение. Защитник подсудимого Князева И.Д. Брауде просил, например, суд «обсудить вопрос о возможности сохранения Князеву жизни»⁸⁶. Защитник подсудимого Арнольда С.К. Казначеев всего лишь выразил надежду на то, что судьи, когда будут решать вопрос о судьбе его подзащитного – «о том, жить дальше Арнольду или не жить», – учтут моменты, позволяющие смягчить приговор. Защитник подсудимого Пушина Н.В. Коммодов, указав на ряд положительных

---

⁸⁵ Там же. С. 214.

⁸⁶ Там же. С. 217.

черт в поведении своего подзащитного, «просветы» в море совершенных им «ужасных злодеяний» — на то, например, что «фактически Пушкин отошел от работы троцкистов еще осенью 1935 года» — сказал суду, что совокупность этих небольших положительных черт дает ему право на просьбу «отступить от той высшей меры наказания, которую в отношении Пушкина предлагал государственный обвинитель»⁸⁷.

В целом же речи защитников носили обличительный характер: они обвиняли троцкистов в преступлениях против своей родины, осуждали своих подзащитных за те преступления, в которых те обвинялись, выражали согласие с речью государственного обвинителя.

Выступление прокурора СССР А.Я. Вышинского являлось, безусловно, главным событием проходившего в Москве с 23 по 30 января 1937 года процесса антисоветского троцкистского центра. Но не менее значимым действием было и «последнее слово» самих подсудимых. В последних выступлениях этих людей, ясно сознававших свою обреченность на смерть, сущность этого процесса, казавшегося сторонним наблюдателям особого рода театральным спектаклем, выразилась, пожалуй, ярче всего.

4

Действовавший в РСФСР Уголовно-процессуальный кодекс 1923 года устанавливал только самые общие требования к последнему слову подсудимого. Они излагались в статье 309, гласившей: «После последней речи защитника председатель объявляет прения сторон законченными и предоставляет подсудимому последнее слово, после чего суд удаляется для вынесения приговора. Во время последнего слова не могут задаваться подсудимому вопросы судом и сторонами». В примечании к этой статье предусматривалось: «В случае, если в последнем слове подсудимый раскрывает новые обстоятельства, существенные для дела, суд вправе, как по своей инициативе, так и по ходатайству сторон возобновить судебное следствие в порядке ст. 305 Уголовно-процессуального кодекса».

---

⁸⁷ Там же. С. 222.

Комментируя приведенную статью в своем учебнике уголовного процесса, изданном в 1938 года, советский правовед С.С. Строгович отмечал: «Содержание последнего слова не регламентировано законом, не может его регламентировать и суд; подсудимый в последнем слове может совершенно свободно говорить все, что считает нужным сообщить составу суда в свою защиту. Председатель может остановить подсудимого лишь в случаях, когда он применяет недопустимые выражения, оскорбительные для суда и сторон, или пытается использовать свое право последнего слова в целях, противоречащих правосудию (в целях антисоветской агитации и т.п.)»⁸⁸.

Обвиняемые по делу антисоветского троцкистского центра не использовали последнее слово для своей защиты — наоборот, они старались усилить и без того резкие обличения, прозвучавшие из уст государственного обвинителя. Это неудивительно: содержание своих заключительных выступлений на суде они вынуждены были согласовывать с прокурором СССР А.Я. Вышинским. Видимо, именно благодаря стараниям Андрея Януарьевича подсудимые в последнем слове на суде были чрезвычайно безжалостны по отношению к самим себе.

«Я ведь понимал не только то, что делается, — исповедовался Ю.Л. Пятаков. — Я же видел, несмотря на то, что это ни в малейшей степени не уменьшает ни гнусности преступлений, ни их объективной значимости, но я же видел, что мы — группка троцкистов, как правильно сказал государственный обвинитель, передовой отряд фашистской контрреволюции, что мы нашими вредительскими деяниями не можем хотя бы на йоту действительно изменить объективный ход развития промышленности, хозяйства»⁸⁹.

Как правило, подсудимые в том случае, когда признавали себя виновными, завершали свое последнее слово просьбой о смягчении

---

⁸⁸ Строгович М.С. Учебник уголовного процесса: Допущен Управлением Учебными Заведениями НКЮ СССР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений и в качестве учебного пособия для правовых школ. М., 1938. С. 198.

⁸⁹ Последнее слово подсудимого Пятакова // Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 223.

приговора. Юрий Леонидович был в саморазоблачении предельно последовательным. «Я слишком остро сознаю свои преступления и я не смею просить у вас снисхождения. Я не решаюсь просить у вас даже пощады, — обращался он к судьям. — Через несколько часов вы вынесете ваш приговор. И вот я стою перед вами в грязи, раздавленный своими собственными преступлениями, лишенный всего по своей собственной вине, потерявший свою партию, не имеющий друзей, потерявший семью, потерявший самого себя... Не лишайте меня одного, граждане судьи. Не лишайте меня права на сознание, что и в ваших глазах, хотя бы и слишком поздно, я нашел в себе силы порвать со своим преступным прошлым»⁹⁰.

Карл Радек имел талант публициста, которым постарался украсить свое выступление. Его последнее слово было самым продолжительным и абсолютно беспощадным к самому себе. В первых же фразах речи он гордо заявил: «Граждане судьи! После того, как я признал виновность в измене родине, всякая возможность защитительных речей исключена. Нет таких аргументов, которыми взрослый человек, не лишенный сознательности, мог бы защитить измену родине. На смягчающие вину обстоятельства претендовать тоже не могу. Человек, который 35 лет провел в рабочем движении, не может смягчать какими бы то ни было обстоятельствами свою вину, когда признает измену родине»⁹¹. Радек отказался от каких-либо оправданий и не безропотно, как другие подсудимые, но *демонстративно охотно* признал вину за все, в чем был обвинен. «Я даже не могу сослаться на то, что меня свел с пути истинного Троцкий, — театрально сокрушался он в своем последнем слове. — Я уже был взрослым человеком, когда встретился с Троцким, со сложившимися взглядами. И если вообще роль Троцкого в развитии этих контрреволюционных организаций громадна, то в тот момент, когда я вступал на этот путь борьбы против партии, авторитет Троцкого был для меня минимальным. Я пошел с троцкистской организацией не во имя теорийки Троцкого, гнилость которой я понял во время первой ссылки, и не во имя признания его авторитета вождя, а потому, что

---

⁹⁰ Там же. С. 224.

⁹¹ Там же.

другой группы, на которую я бы мог опереться в тех политических целях, которые я себе ставил, не было. С этой группой я был связан в прошлом и поэтому я с нею пошел»⁹².

Окончательно смирившись со своей участью, Радек не стеснялся в саморазоблачении, но проявлял при этом столько усердия, что искренность его признаний невольно превращалась в сарказм. «Если здесь ставился вопрос, мучили ли нас во время следствия, то я должен сказать, что не меня мучили, а я мучил следователей, заставляя их делать ненужную работу»⁹³.

Такое признание, произнесенное подсудимым в последнем слове, звучало бы как насмешка, если бы сам он не пояснил, что имел в виду: «В течение 2 с половиной месяцев я заставлял следователя допросами меня, противопоставлением мне показаний других обвиняемых раскрыть мне всю картину, чтобы я видел, кто признался, кто не признался, кто что раскрыл. Продолжалось это 2 с половиной месяца. И однажды руководитель следствия пришел ко мне и сказал: “Вы уже — последний. Зачем же вы теряете время и медлите, не говорите то, что можете показать?” И я сказал: “Да, я завтра начну давать вам показания”. И показания, которые я дал, с первого до последнего не содержат никаких корректив. Я развертывал всю картину так, как я ее знал, и следствие могло корректировать ту или другую мою персональную ошибку в части связи одного человека с другим, но утверждаю, что ничего из того, что я следствию сказал, не было опровергнуто и ничего не было добавлено»⁹⁴. Из этого пояснения очевидно, что Радек всего лишь старался показать, что главной своей задачей во время расследования дела антисоветского троцкистского центра считал не освобождение себя от обвинений, а содействие следствию. Соответственно и признания на суде представлялись им поступком, имеющим не личное, а общественное значение. Выступая с последним словом, он гордо заявил: «Я признал свою вину и дал полные показания о ней, не исходя из простой потребности раскаяться, — раскаяние может быть внутренним сознанием, которым можно не делиться, никому не показывать, — не из любви вообще к

---

⁹² Там же.

⁹³ Там же. С. 230.

⁹⁴ Там же. С. 230–231.

правде, — правда эта очень горька, и я уже сказал, что предпочел бы три раза быть расстрелянным, чем ее признать, — а я должен признать вину, исходя из оценки той общей пользы, которую эта правда должна принести»⁹⁵.

Последнее слово *Г.Я. Сокольникова* было полно саморазоблачений, как и выступление *К. Радека*. «Я хочу воспользоваться своим последним словом, — убеждал Сокольников суд, — не для того, чтобы отвергать или опровергать какие-нибудь данные следствия или выводы обвинительного заключения и государственного обвинителя. Я признал свою вину и свои преступления на предварительном следствии, полностью признаю их здесь и не имею к ним ничего добавить. Я хотел бы только просить суд верить мне в том смысле, что ничего много не скрыто, что сказано мною не полправды, а сказана вся правда»⁹⁶.

В отличие от *К. Радека*, отказавшегося просить суд о каком-либо смягчении приговора, *Г.Я. Сокольников* обратился с просьбой о снисхождении для себя и других подсудимых, представив в качестве основания для нее результаты самого процесса по делу об антисоветском троцкистском центре. Григорий Яковлевич решил, что благодаря их показаниям главная цель процесса, заключавшаяся в развенчании троцкизма, была достигнута и просил судей учесть данное обстоятельство при вынесении приговора. «Я не могу спорить, — говорил он, — не имею для этого никаких оснований, против заключения государственного обвинителя; такое заключение, конечно, максимально обосновано. Но я хотел бы сказать: мне думается, что уже данными обвинительного заключения, данными следствия и даже вчерашним выступлением государственного обвинителя мы уже политически убиты и погребены. Я высказываю свое убеждение или, во всяком случае, надежду на то, что не найдется больше ни одной руки в Советской стране, которая бы попробовала взяться за древко троцкистского знамени. Я думаю, что и в других странах троцкизм разоблачен этим процессом, сам Троцкий разоблачен, как союзник капитализма, как подлейший агент

---

⁹⁵ Там же. С. 225.

⁹⁶ Там же. С. 232.

фашизма, как поджигатель мировой войны, которого везде будут ненавидеть и преследовать миллионы. Я думаю поэтому, что поскольку троцкизм, как контрреволюционная политическая сила, перестает существовать, окончательно разбит, я думаю, что и я, и другие обвиняемые, все обвиняемые могут все же просить вас, граждане судьи, о снисхождении»⁹⁷.

Последнее слово *Л.П. Серебрякова* было коротким. Он сказал, что «воспользовался последним словом подсудимого не для защиты», что целиком и полностью признает «справедливость» того, что говорил гражданин прокурор о его «тягчайших преступлениях против родины, против Страны советов, против партии», что давал искренние показания на следствии и на суде, так как «действительно решительно и окончательно порвал с контрреволюционным бандитизмом Троцкого и троцкизма». В связи с этим Леонид Петрович просил суд поверить в его искренность, «в своем решении это учесть и принять во внимание»⁹⁸.

Выступления подсудимых с последним словом завершились в 19 часов 15 минут 29 января. Суд после этого удалился на совещание. В 3 часа 30 минут 30 января председатель военной коллегии Верховного Суда СССР В.В. Ульрих огласил приговор. Ю.Л. Пятаков и Л.П. Серебряков как члены антисоветского троцкистского центра, организовавшие и непосредственно руководившие «изменнической, шпионской, диверсионно-вредительской и террористической деятельностью» были приговорены к высшей мере уголовного наказания — *расстрелу*. Одиннадцать подсудимых⁹⁹ приговорили к такому же наказанию «как организаторов и непосредственных исполнителей указанных выше преступлений»¹⁰⁰.

Г.Я. Сокольникова и К.Б. Радека суд приговорил к заключению в тюрьме сроком *на 10 лет* «как членов антисоветского троцкистского центра, несущих ответственность за его преступную деятельность, но

⁹⁷ Там же. С. 236.

⁹⁸ Там же. С. 237.

⁹⁹ Н.И. Муралов, Я.Н. Дробнис, Я.А. Лившиц, М.С. Богуславский, И.А. Князев, С.А. Ратайчак, Б.О. Норкин, А.А. Шестов, И.Д. Турок, Г.Е. Пушкин и И.И. Граше.

¹⁰⁰ Процесс антисоветского троцкистского центра (23–30 января 1937 года). М., 1937. С. 258.

не принимавших непосредственного участия в организации и осуществлении актов диверсионно-вредительской, шпионской и террористической деятельности»¹⁰¹. В.В. Арнольд получил по приговору 10 лет тюремного заключения. М.С. Строилов – 8 лет¹⁰².

При этом суд постановил: «Имущество всех осужденных, лично им принадлежащее, – конфисковать». Каждый из четверых приговоренных к тюремному заключению был в дополнение ко всему лишен политических прав сроком на пять лет.

Завершался приговор по делу антисоветского троцкистского центра заявлением военной коллегии Верховного Суда, подобным тому, которое увенчало приговор по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, вынесенный 24 августа 1936 года: «Высланные в 1929 году за пределы СССР и лишённые постановлением ЦИК СССР от 20 февраля 1932 года права гражданства СССР враги народа **Троцкий** Лев Давыдович и его сын **Седов** Лев Львович, изобличенные показаниями подсудимых *Ю.Л. Пятакова, К.Б. Радека, А.А. Шестова* и *Н.И. Муралова*, а также показаниями допрошенных на судебном заседании в качестве свидетелей *В.Г. Ромма* и *Д.П. Бухарцева* и материалами настоящего дела в непосредственном руководстве изменнической деятельностью троцкистского антисоветского центра, в случае их обнаружения на территории Союза ССР, – подлежат немедленному аресту и преданию суду Военной коллегии Верховного суда Союза ССР»¹⁰³.

В тот же день, когда состоялся приговор по делу антисоветского троцкистского центра, то есть 30 января 1937 года, тринадцать осужденных на смертную казнь обратились в Президиум Центрального Исполнительного Комитета СССР с ходатайствами о помиловании. Почти все они выражали свои просьбы сухим, даже деловитым стилем, явно без какой-либо надежды на смягчение

---

¹⁰¹ Там же. После вынесенного 30 января 1937 г. приговора К.Б. Радек и Г.Я. Сокольников прожили немногим более двух лет. 19 мая 1939 г. в Верхнеуральской тюрьме был убит Радек. Спустя два дня после этого в Тобольской тюрьме убили Сокольникова.

¹⁰² В.В. Арнольд и М.С. Строилов были расстреляны в Орловской тюрьме вместе с другими политзаключенными в сентябре 1941 г.

¹⁰³ Процесс антисоветского троцкистского центра (23 – 30 января 1937 года). С. 258.

приговора. Как будто ощущали себя уже мертвыми. Лишь ходатайства приговоренных к смерти Ю.Л. Пятакова и И.А. Князева были написаны живым языком.

Сообщив, что военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, Юрий Леонидович написал далее: «В тяжком сознании своей виновности я решаюсь обратиться в Президиум ЦЕК СССР с просьбой о помиловании, зная, что до последних дней моей жизни, если она мне будет сохранена, я буду твердо и верно жить и работать на пользу Советской Власти. Я раскрыл все, что знал о контрреволюционной деятельности троцкистов и своей в том числе. Я не скрыл ничего. За все эти месяцы заключения и тяжелейшие дни процесса я много раз проверял себя — во мне не осталось ни единого, ни малейшего остатка троцкизма. Во мне нет ни озлобления, ни тени ожесточения. Это позволяет мне честно просить Президиум ЦИК СССР сохранить мне жизнь. Все те знания, которыми я располагаю, все мои силы и всю мою энергию, даже будучи в тюремном заключении я использую на благо Советской Власти, на пользу Советского Союза.

В глубочайшем раскаянии за все совершенное я прошу Президиум ЦИК СССР дать мне возможность искупить свою вину упорным трудом и преданностью Советской Власти, Коммунистической Партии и ее руководителям. Тяжко умирать с клеймом врага народа, изменника и предателя. Как о высочайшей милости я прошу Президиум ЦИК СССР о помиловании»¹⁰⁴.

Иван Александрович Князев в своем ходатайстве также уповал на свои признательные показания. «На предварительном следствии и на суде, — подчеркивал он, — я дал исчерпывающие и честные показания о всей преступной деятельности троцкистской к[онтр]-р[еволюционной] организации. Я полностью признал свою вину и тяжесть своих преступлений, также раскрыл, какими гнусными методами я был вовлечен в троцкистскую к[онтр]-р[еволюционную] подпольную организацию и затем в неразрывной связи с этим вовлечением был втянут в связь с японцем ХИРОСИМО —

---

¹⁰⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1982. Л. 3-4.

секретарь¹⁰⁵ японского посольства в Москве... Мне всего 43 года, до 1934 года я стойко боролся с троцкизмом даже когда у меня в 1931 году были колебания на почве плохой работы транспорта — тем не менее не изменял честной работы на занимаемых хозяйственных постах.

Гадина троцкизма меня погубила подлейшим способом гнусного опутывания совместно с японской разведкой.

Тяжело умирать изменником родины — я могу еще много, много принести пользы и клянусь загладить свои преступления. Прошу ЦИК Союза заменить мне высшую меру социальной защиты заключением в лагерь»¹⁰⁶.

Ходатайство осужденного Л.П. Серебрякова было коротким. Сообщив о своем приговоре, Леонид Петрович написал: «На следствии и на суде я давал искренние и исчерпывающие показания о своих тягчайших преступлениях пред родиной, став на путь окончательного и решительного разрыва с контрреволюционным троцкизмом.

Прошу Президиум ЦИК СССР сохранить мне жизнь, для того, чтобы честной работой я мог бы искупить свою вину перед родиной»¹⁰⁷.

Президиум ЦИК СССР уже 31 января рассмотрел ходатайства осужденных к смертной казни по делу антисоветского троцкистского центра и принял постановление об их отклонении¹⁰⁸. 1 февраля 1937 года приговоры о расстреле были приведены в исполнение.

* * *

Лев Троцкий во время процесса по делу антисоветского троцкистского центра пребывал в Мексике. Он приплыл в эту страну с женой Натальей Седовой на танкере «Руфь» 9 января 1937 года и поселился в южном пригороде Мехико поселке Койоакан в доме известной мексиканской художницы Фриды Кало де Ривера.

Дневниковые записи, которые Лев Давидович вел во время двадцатидневного путешествия из Норвегии в Мексику, показывают, что прошедший в Москве в августе 1936 года процесс над его

---

¹⁰⁵ Так в оригинале. — В.Т.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. Р-3316. Оп. 64. Д. 1982. Л. 37-38.

¹⁰⁷ Там же. Л. 7.

¹⁰⁸ Там же. Л. 39-40.

сторонниками все еще будоражил его сознание. И более всего его занимала тайна добровольных признаний бывших большевистских вождей в инкриминировавшихся им преступлениях.

1 января 1937 года, за восемь дней до прибытия в мексиканский порт Тампико, Троцкий сделал в своем дневнике довольно объемную запись на тему показаний обвиняемых на московских процессах. Он придаст ей особое значение, включив в качестве отдельного фрагмента под названием «Почему они каются в несовершенных преступлениях?» в книгу «Преступления Сталина». Данная книга, специально посвященная двум московским процессам над троцкистами, выйдет первым изданием на французском языке в августе 1937 г.¹⁰⁹, позднее она появится на других европейских языках, но оригинальный ее текст, написанный на русском языке, будет издан только в 1994 г.¹¹⁰

В указанной дневниковой записи Троцкий повторил то, что писал об особенностях московских судебных процессов над оппозиционерами в статье «Самые острые блюда еще впереди!»¹¹¹, опубликованной в 1936 году в майском, 50-м номере «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)»: «Целая серия публичных политических процессов в СССР показала, с какой готовностью некоторые

---

¹⁰⁹ *Trotsky L. La révolution trahie. Les Crimes de Staline / Traduit du russe par Victor Serge. Paris, 1937.*

¹¹⁰ *Троцкий Л.Д. Преступления Сталина / Под ред. Ю. Г. Фельштинского. М., 1994.*

¹¹¹ Название данной статьи было явно навеяно характеристикой Сталина, которую Троцкий приписывал Ленину. В книге «Сталин» Лев Давидович писал: «Когда на 11-м съезде (март 1921) Зиновьев и его ближайшие друзья проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, с задней мыслью использовать его враждебное отношение ко мне, Ленин в тесном кругу, возражая против назначения Сталина генеральным секретарем, произнес свою знаменитую фразу: “Не советую, этот повар будет готовить только острые блюда”» (*Троцкий Л.Д. Сталин. Т. 2. М., 1996. С. 189*). Б.Г. Бажанов, присутствовавший как сотрудник орготдела ЦК РКП (б) на этом съезде и последовавшем пленуме ЦК, позднее в своих мемуарах утверждал, что кандидатура Сталина проводилась на пост генерального секретаря не на XI съезде, состоявшемся в конце марта-начале апреля 1922 г., а на прошедшем сразу после него пленуме ЦК и Ленин против этого никаких возражений не высказал. «Когда на апрельском пленуме ЦК 1922 года по идее Зиновьева Каменев предложил назначить Сталина Генеральным секретарем ЦК, то Ленин не возражал, хотя хорошо знал Сталина» (*Бажанов Б.Г. Борьба Сталина за власть. Воспоминания личного секретаря. М., 2017. С. 39–40*).

подсудимые возводят на себя преступления, каких они явно не совершали». Главный же вывод дневниковой записи, сделанной им 1 января 1937 года во время океанского путешествия на нефтяном танкере, звучал как руководство к действию: **«Чтобы положить конец московскому конвейеру подлога, необходимо вскрыть политическую и психологическую механику “добровольных признаний”»**¹¹². Бывший большевистский вождь безошибочно определил то, что было самым уязвимым для критики и самым загадочным в конструкции московских процессов над троцкистами.

2 января 1937 года, за неделю до прибытия в Мексику, Троцкий занес в дневник следующую заметку, касавшуюся судебного процесса, проходившего в августе 1936 года: «Вся трудность в том, чтоб заставить поверить. Удалось ли Сталину разрешить эту задачу? Утверждать это нелегко и самым ревностным из господ профессиональных "друзей". Недаром вопрос о гестапо они обходят, воровато опуская глаза. Но мы не позволим им уклониться от ответа. Процесс Зиновьева и других, к несчастью, закончен. Процесс Сталина только начинается»¹¹³.

Далее в дневнике Троцкого было приведено весьма любопытное объяснение добровольных признаний в преступлениях бывших большевистских вождей, данное Виктором Сержом¹¹⁴. Подоплека этих признаний составляла, пожалуй, самую главную тайну судебного процесса по делу троцкистско-зиновьевского террористического

---

¹¹² «Il faut pour mettre un terme à la suite ininterrompue des impostures moscovites démonter le mécanisme politique et psychologique des “confessions volontaires”» (Trotsky L.D. Pourquoi ils ont avoué des crimes qu'ils n'avaient pas commis? // Les Crimes de Staline. Paris, 1937. P. 99). В переводе на английский язык это высказывание Троцкого приобрело несколько отличающийся смысл: «It is necessary, in order to put a stop to the Moscow falsifications, to show the political and psychological mechanism of "voluntary confessions"» (Trotsky L.D. Why They Confessed Crimes They Had Not Committed // Writings of Leon Trotsky [1936–1937]. New York, 1978. P. 56).

¹¹³ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 2015. С. 335.

¹¹⁴ Виктор Серж — это псевдоним революционера и публициста Виктора Львовича Кибальчича (1890–1947). Он хорошо знал Зиновьева, поскольку общался с ним во время работы в аппарате III Интернационала. В 1933 г. Виктор Серж был арестован и приговорен к ссылке в Оренбург. В 1936 г., благодаря заступничеству видных европейских социалистов и писателя Ромена Роллана, ему удалось получить разрешение на эмиграцию из СССР.

центра, и Троцкий не переставал размышлять над ней, о чем свидетельствует следующая запись в его дневнике: «Виктор Серж имел возможность ближе и дольше нас всех наблюдать капитулянтов, их среду, их настроения. Он отводит большое место в поведении главных подсудимых, [таких] как Зиновьев, Каменев, Смирнов, их преданности партии и преклонению перед ее единством. Эти люди духовно родились в большевистской партии, она сформировала их, они боролись за нее, она подняла их на гигантскую высоту. Но организация масс, выросшая из идеи, выродилась в автоматический аппарат правящих. Верность аппарату стала изменой идее и массам. В этом противоречии безвыходно запуталась мысль капитулянтов. У них не хватало духовной свободы и революционного мужества, чтобы во имя большевистской партии порвать с тем, что носило это имя. Капитулировав, они предали партию во имя единства аппарата. ГПУ превратило фетиш партии в удавную петлю и постепенно, не спеша, затягивала ее на шее капитулянтов. В часы просветления они не могли не видеть, куда это ведет. Но чем яснее становилась перспектива моральной гибели, тем меньше оставалось шансов вырваться из петли. Если в первый период фетиш единой партии служил психологическим источником капитуляций, то в последней стадии формула "единства" служила лишь для прикрывания конвульсивных попыток самосохранения»¹¹⁵.

7 января 1937 года Троцкий записал в дневник новое свое суждение об отходе Сталина и его сторонников в руководстве ВКП (б) от большевизма. Он попытался объяснить им необычный характер московского судебного процесса 1936 года. «Что бы ни говорили святоши чистого идеализма, мораль есть функция социальных интересов, следовательно, функция политики, — утверждал он. — Большевизм мог быть жесток и свиреп по отношению к врагам, но он всегда называл вещи своими именами. Все знали, чего большевики хотят. Нам нечего было утаивать от масс. Именно в этом центральном пункте мораль правящей ныне в СССР касты радикально отличается от морали большевизма. Сталин и его сотрудники не только не смеют

---

¹¹⁵ Троцкий Л.Д. Дневники и письма. М., 2015. С. 336–337.

говорить вслух, что думают; они не смеют даже додумывать до конца, что делают. Свою власть и свое благополучие бюрократия вынуждена выдавать за власть и благополучие народа. Все мышление правящей касты насквозь проникнуто лицемерием. Чтоб залепить открывающиеся на каждом шагу противоречия между словом и делом, между программой и действительностью, между настоящим и прошлым, бюрократия создала гигантскую фабрику фальсификаций. Чувствуя шаткость своих моральных позиций, питая острый страх перед массами, она со звериной ненавистью относится ко всякому, кто пытается прожектор критики направить на устои ее привилегий. Травлю и клевету против инакомыслящих сталинская олигархия сделала важнейшим орудием самосохранения. При помощи систематической клеветы, охватывающей все: политические идеи, служебные обязанности, семейные отношения и личные связи, люди доводятся до самоубийства, до безумия, до протрации, до предательства. В области клеветы и травли аппараты ВКП, ГПУ и Коминтерна работают рука об руку. Центром этой системы является рабочий кабинет Сталина. Отсюда методически подготовлялся московский процесс»¹¹⁶.

Новый процесс над троцкистами готовился по меньшей мере с августа 1936 года. Лица, которым надлежало предстать на нем главными обвиняемыми, были названы во время судебного разбирательства по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра. Подсудимые Каменев, Зиновьев и Рейнгольд указали в своих показаниях на Радека, Пятакова, Серебрякова, Сокольникова как на персон, причастных в той или иной степени к преступной контрреволюционной деятельности. 20 августа 1936 года прокурор СССР Вышинский распорядился о начале расследования этих заявлений, о чем публично сообщил на следующий день во время вечернего заседания военной коллегии Верховного Суда.

Троцкий имел достаточно оснований воспринимать августовский процесс 1936 года в качестве лишь звена в цепи показательных судебных процессов, запрограммированных в будущем. Его оценки сталинской политики, записанные в дневнике во время путешествия

---

¹¹⁶ Там же. С. 340–342.

из Норвегии в Мексику, являлись в сущности не инвективами, а базовыми элементами защиты от обвинений, которые — он был уверен — в скором времени снова на него обрушатся. Еще не зная точно, какими они будут, он заранее готовил почву для объявления их ложными, подбирал броские, запоминающие словосочетания для выражения их лживости. «Этими страницами дорожного дневника я не пытаюсь заменить расследование, а хочу лишь дать к нему политическое и психологическое введение», — такое замечание он сделал в своем дневнике 7 января 1937 года, когда до прибытия в Мексику оставалось два дня.

Об открытии ожидавшегося им нового судебного процесса над троцкистами Троцкий узнал из телеграммы ТАСС, в которой мировой общественности сообщалось об окончании следствия по делу троцкистского “параллельного центра” и о начале его слушания в военной коллегии Верховного Суда СССР 23 января. Вечером 20 января Лев Давидович отослал свой первый письменный отклик на это событие в газету «Нью-Йорк Таймс». Обратив внимание в начале своей статьи на тот факт, что новость об открытии судебного процесса в отношении «семнадцати новых жертв ГПУ» была обнародована 19 января, т.е. всего за четыре дня до его первого заседания, а текст обвинительного заключения до сих пор еще неизвестен, Троцкий пояснил: «Цель этой поспешной процедуры состоит в том, чтобы вновь заставить врасплох общественное мнение, лишить нежелательных иностранцев возможности присутствовать на суде и, прежде всего, помешать мне — главному обвиняемому — своевременно разоблачить новые фальсификации»¹¹⁷. Уверенно предполагая, что подсудимые снова будут признаваться и каяться в инкриминируемых им преступлениях, Троцкий счел необходимым заранее принизить значение их показаний следующим замечанием: «“Человека с улицы” больше всего поражают признания подсудимых, которые выступают ревностными помощниками ГПУ. Немногие представляют себе те ужасающие формы нравственной и полужизической пытки, которым подвергаются обвиняемые в течение многих месяцев, а иногда и лет»¹¹⁸.

¹¹⁷ Trotsky L.D. Seventeen New Victims of the GPU // The New York Times. 1937. January 21. Writings of Leon Trotsky [1936–1937]. New York, 1978. P. 110.

¹¹⁸ Ibid. P. 112.

Не ознакомившись ни с текстом обвинительного заключения, ни с показаниями подсудимых, бывший большевистский вождь за три дня до начала нового судебного процесса над троцкистами вынес ему свою категоричную оценку. «Я принимаю вызов организаторов фальсификаций! — пафосно заявил он в завершающих словах своей статьи. — Не сомневаюсь, что мексиканское правительство, проявившее ко мне такое гостеприимство, не помешает мне представить мировому общественному мнению всю правду о чудовищных фальсификациях ГПУ и его вдохновителей. На протяжении всего процесса я буду оставаться в распоряжении честной и беспристрастной прессы»¹¹⁹.

Назвав предстоявший процесс над троцкистами сфальсифицированным, Троцкий тем не менее чрезвычайно разволновался от известия о его открытии. Находившаяся все время рядом с ним Наталья Седова вспоминала впоследствии, какое сильное воздействие оказывали на ее мужа сведения, поступавшие из Москвы: «Мы слушали радио, открывали почту и московские газеты и ощущали, что безумие, абсурд, произвол, обман и кровь со всех сторон затопляют нас, здесь в Мексике, как и в Норвегии... С карандашом в руке Лев Давидович, перевозбужденный и перетрудившийся, часто в лихорадке, но все равно неутомимый, делал замечания ко всем подлогам и лживым высказываниям, число которых настолько возросло, что оказалось невозможным их опровергнуть одно за другим. Огромная сталинская машина по производству преступлений работала на полную мощь и, казалось, сделалась абсолютно индифферентной к достоверности своего продукта. Как только одна ложь публично опровергалась — а это означало интенсивные исследования документов и проверку огромного множества дат — так тут же появлялось десять или двадцать новых лживых измышлений»¹²⁰.

Троцкий хорошо понимал, что новый судебный процесс лично для него более значим, чем предыдущий, и может затронуть его политическую судьбу в значительно большей степени. Приговором, вынесенным 24 августа 1936 года, он и его сын обвинялись «в

---

¹¹⁹ Ibid. P. 113.

¹²⁰ Serge V., Sedova-Trotsky N. The Life and Death of Leon Trotsky. Chicago, 2015. P. 212.

непосредственной подготовке и личном руководстве организацией в СССР террористических актов против руководителей ВКП (б) и советского государства». Формула обвинения, представленная судьям при начале нового процесса, в первом и главном своем пункте обличала Троцкого в создании преступной организации, предназначенной для руководства «антисоветской, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью, направленной на подрыв военной мощи СССР, ускорение военного нападения на СССР, содействие иностранным агрессорам в захвате территории и расчленении СССР, свержение советской власти и восстановление в Советском Союзе капитализма и власти буржуазии». Трудно было придумать более серьезные обвинения, чем эти. Троцкий не мог оставить их без ответа. Но занявшись их опровержением бывший большевистский вождь вступал в спор с государственным обвинителем прокурором СССР А.Я. Вышинским — по сути, главным конструктором данного судебного процесса.

При упоминании указанной фамилии — а в статьях, посвященных процессу, делать это ему приходилось довольно часто — Лев Давидович не мог скрыть крайнего раздражения. «Кто такие главные обвиняемые? Старые большевики, строители партии, советского государства, Красной армии, Коминтерна. Кто выступал против них обвинителем? Вышинский, буржуазный адвокат, перекрасившийся после Февральской революции в меньшевика, и примкнувший к большевикам после их окончательной победы», — такую характеристику прокурору СССР Троцкий дал в тексте, который написал для выступления по телефону перед американскими рабочими 9 февраля 1937 года¹²¹ и в марте того же года опубликовал в № 54–55 «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)». Лев Давидович Троцкий не мог ни понять, ни просто смириться с тем, что советское государство оказалось в руках таких людей, как Андрей Януарьевич Вышинский. А между тем произошло это совсем не случайно, но по роковой и потому неумолимой закономерности.

---

¹²¹ Из-за неисправности телефонной связи выступление самого Троцкого не состоялось, текст его речи был просто зачитан одним из ведущих митинга.